

СЕРГЕЙ ВАХРИН

**КАМЧАТКА
РОССИЯ
МИР**

325 ЛЕТ ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

Камчатпресс
2021

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)
В 22

Вахрин С.И.

В22 Камчатка – Россия – Мир. 325 лет вместе с Россией — Петропавловск-Камчатский :
Камчатпресс, 2021. — 268 с. : ил.

Эта книга о сохранении исторической памяти — о многовековой истории вхождения Камчатки в состав Российского государства и о ее жителях — представителях древних династий камчадалов-аборигенов и породнившихся с ними за столетия совместного проживания в полуостровной изоляции Камчатки русских старожилах — казаках, крестьянах, купцах, священнослужителях, которых не случайно называли в старину «камчадалами русской крови»...

Камчадалы-аборигены и камчадалы «русской крови» представляют собой, если рассматривать историю их родов, единую семью народов — ведь и у казаков, и у русских крестьян, практически за полным отсутствием на полуострове русских женщин женами были коренные камчадалки или ительменки (если говорить о группе камчадалов Тигильского района Камчатского края, получивших в 1926 году новое этническое имя). А если брать процентное соотношение численности русского населения по отношению к коренному, то, разумеется, шел активный процесс «окамчадаливания» русских.

В общей истории народов Камчатки было много всякого — и общих обид, и общего горя, и общего героизма при отражении англо-французского десанта или японских «хищников». А в братской могиле на острове Шумшу покоятся и камчадалы-аборигены и их родники из русских старожилов, погибших 18 августа 1945 года в боях за возвращение России Курильских островов...

Обо всем в этой новой книге камчатского писателя С.И. Вахрина.

Книга рассчитана на самую широкую читательскую аудиторию.

В книге использованы фотоматериалы из открытых источников, а также из фотоархива холдинга «Витязь-Авто».

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)

© КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!», 2021
© Вахрин С.И., 2021
© «Камчатпресс», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Герб Русского царства из издания
«Большая государева книга или
Царский титулярник» (1672)

ИВАН КАМЧАТОЙ И ФЕДОР ЧУКИЧЕВ

Споры в отношении названия Камчатки будут, по всей видимости, проходить вечно, потому что сегодня каждый северный народ от якутов до чукчей и коряков претендует на то, что именно им принадлежит приоритет в названии коренных жителей Камчатки — камчадалами, а главной реки полуострова — Камчаткой. Существуют десятки самых причудливых, весьма оригинальных

и интересных версий, — одна другой лучше и краше.

Только вот какой вопрос возникает у пытливых исследователей, а была ли наша современная река Камчатка, протекающая по территории одноименного полуострова, — той самой исторической Камчаткой, которая и получила первоначально это название? Ведь мы знаем множество случаев обратного явления — и по Анадырю (Погыче), и по Пенжине, и по Гижиге, и по Пахаче, и по Вывенке (Олюторке). И вот, что отмечал Б.П. Полевой:

«...на общем чертеже Сибири 1673 г. и было особое внимание уделено «вершинам» Блудной, а река Камчатка была ошибочно показана не на полуострове, а на материке южнее Чендона».

Чендон — по общему мнению, это верховья реки Гижиги. Южнее Гижиги — только река Пенжина. Но и тут не все просто:

«М. Стадухин, кратковременно побывавший в низовьях нынешней Пенжины, потерпел поражение от оседлых коряк острожка Аклан и потому собрать с них ясак не смог. А после него, вплоть до 1670 года, когда в средней части долины нынешней Пенжины, возле устья реки Часовитиной был поставлен Чендонский острог (отчего, кстати, река Пенжина некоторое время также именовалась Чендоном), русские люди на этой реке не появлялись» (В.Е. Быкасов).

А хотите еще сюрприз:

«...под рекой Пенжина юкагиры понимали нынешнюю реку Гижига, а сам Ф. Чюкичев под этой же рекой понимал реку Парень, на которую его отряд попал по ошибке» (В.Е. Быкасов).

Он же:

«Но коль скоро казаки отряда Ф. Чюкичева под Пенжинским хребтом понимали нынешнее Колымское нагорье, служащее водоразделом между реками, впадающими в Северный Ледовитый океан с одной стороны, и в Охотское море — с другой, то остается признать, что под рекой Пенжина они понимали современную реку Парень, а не нынешнюю реку с этим именем».

С.П.Крашенинников:

«В четырех днях ходу от реки Пенжины следует речка Егача или Арача (совр. Шестакова. — С.В.), оттуда в двух днях ходу Парень река, которая вершинами сошлась с Акланом рекою, от Пареня в 6 днях ходу Чондон, а потом Ижиги река».

И вот еще:

«...схематический общий чертеж Сибири 1673 г. отнюдь не был первым тобольским чертежом, на котором появилось изображение реки Камчатки. Впервые она была показана еще на общем чертеже Сибири 1667 г. Это ясно видно по копии этого чертежа в «Хорографической чертежной книге» (Ремезов, 1958, л. 4). В.И. Греков (1960, с. 334) высказал предположение, что Ремезов якобы спутал из своей копии Камчатку с Колымой. Однако здесь В.И. Греков не учел, что «Колыма» вместо «Камчатки» появилась лишь на копиях, снятых в Москве, потому что в Тобольске, видимо, сознательно решили на схематическом общем чертеже,

отправленном в Москву, заменить тогда еще малоизвестную реку Колымой, которая была достаточно подробно описана в росписи чертежа Сибири 1667 г. Поэтому скорее всего Ремезов при копировании тобольского общего чертежа Сибири никакой ошибки не допустил, и Л.С. Берг (1920, с. 25, 1946, с. 58) был прав, когда писал, что на тобольском оригинале общего чертежа Сибири 1667 г. уже было изображение реки Камчатки.

Пока не удалось еще точно установить, каким образом сведения о реке Камчатке смогли дойти до Тобольска. Повторявшаяся в литературе версия М.И. Белова о том, что «со слов Стадухина, проезжавшего в 1659 г. через Тобольск, воевода тобольский Петр Годунов нанес реку Камчатку на свой чертеж Сибирской земли 1667–1668 гг.» (РМ, с. 264), не выдерживает критики. Воевода Годунов прибыл в Тобольск лишь в мае 1667 г., когда уже Михаила Стадухина не было в живых (он был убит в 1666 г.). Сбор географических сведений для чертежа Годунов провел летом и осенью 1667 г. А главное, нет вообще ни одного документа, исходившего от М.В. Стадухина или С.И. Дежнева, в котором имелось бы название «Камчатка» (Б.П. Полевой).

И еще:

Одно из первых изображений р. Камчатка на карте-рисунок Сибири XVII в.

«...казаки отряда Ф. Чюкичева считали нынешнюю реку Парень рекой Пенжина, современную реку Гижига — Чендоном, а о существовании современной реке Пенжина, на момент выхода на побережье Охотского моря, **они даже не подозревали** (выделено мной — С.В.)».

И не была ли эта известная-неизвестная река той самой Камчаткой, название которой, когда разобрались с Чендонами, Гижигами, Паренями, Пенжинами, и было перенесено, как и следовало из картографических данных, на юг?

И не в этом ли походе кроется ответ на вопрос, почему эта известная-неизвестная река могла получить имя Ивана Камчатого:

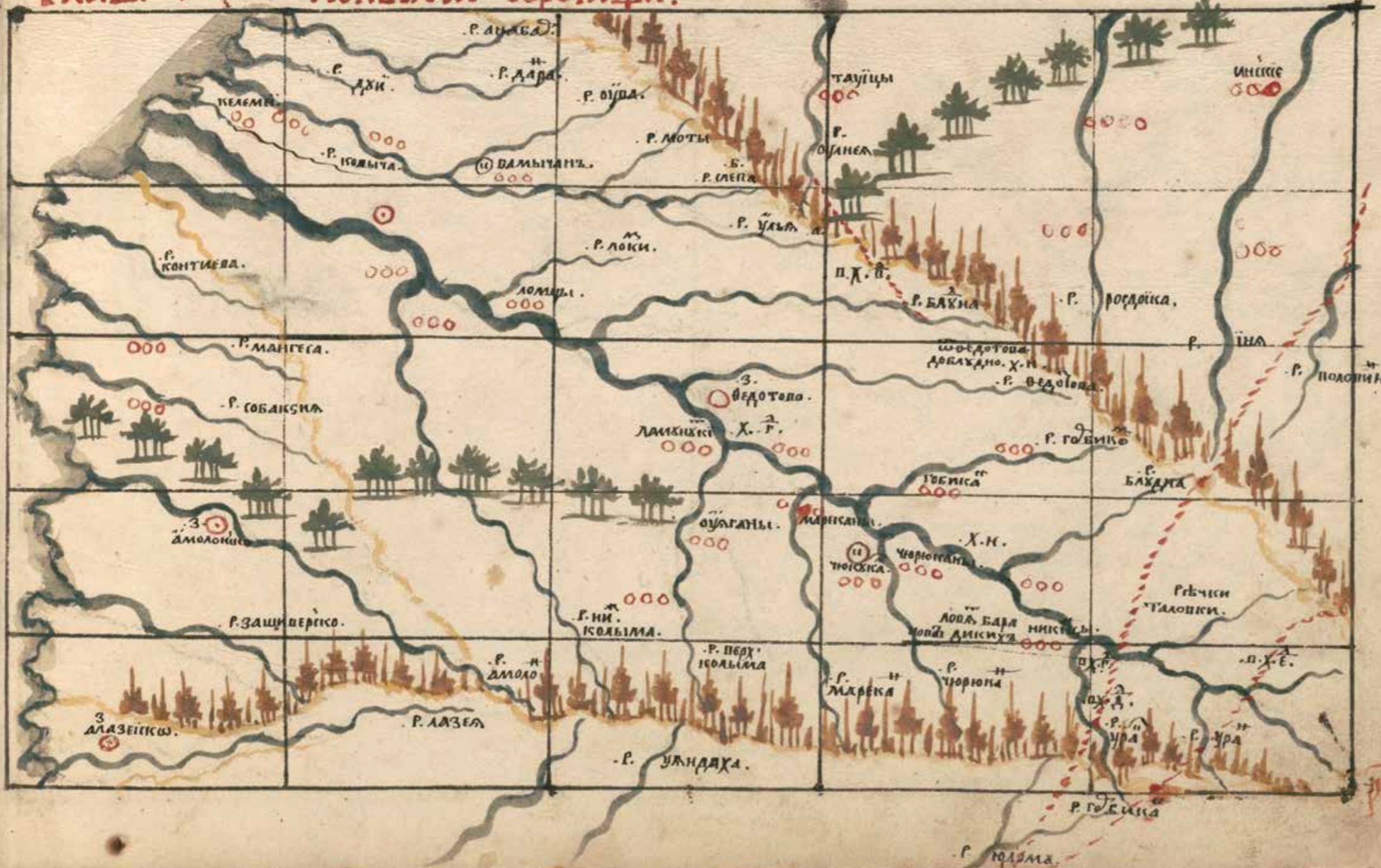
«...двух последних месяцев осени для преодоления пути от Чендонского зимовья до устья реки Пенжина и обратно группе И. Камчатого было вполне достаточно для того чтобы успеть вернуться на Чендон к началу охоты на пушного зверя. Итак, двинуться к Восточному морю казаки (если, конечно же, предположить, что часть отряда во главе с самим Ф. Чюкичевым осталась на Чендоне, а другая часть во главе с И. Камчатым пошла на восток) могли не ранее конца октября – начала ноября. То есть после установления снежного покрова и замерзания рек» (В.Е. Быкасов).

И пришли они в устье неизвестной им реки, которая и была отмечена на карте Ремезова как река Камчатка.

И было до нее всего 200 верст пути.

Скульптура «Сибирские картографы» на набережной Тюмени

Страница из «Хорографической чертежной книги Сибири» Семена Ремезова, imperia.omeka.fas.harvard.edu

И, естественно, ни на какую современную реку Камчатку, он не ходил и ходить не мог — слишком далекий был для него этот путь, с чем, конечно же, я полностью согласен с Валерием Быкасовым.

Но он сам же, разъяснив всю путаницу с географическими названиями, подвел нас к выводу, который все расставил на свои места — как и абсолютно правильное для того времени расположение на карте Ремезова 1677 года реки под названием Камчатка южнее реки Чендон на материковой части северо-восточной Азии — современная река Пенжина.

А впоследствии этот гидроним был перенесен далее на юг (и это ни некий географический нонсенс — это своего рода закономерность в истории сибирской географии).

И поэтому мы можем по-новому посмотреть на обобщающее целый ряд источников сообщение А.С. Зуева: «Моржовой кости И. Камчатой не нашел, но в поисках неясных иноземцев собрал сведения о крупной реке где-то на юге. Ф. Чукичев, получивший эти известия от вернувшегося в зимовье И. Камчатого, возвратился на Колыму и убедил начальство снова направить его на р. Гижигу. Во главе отряда из 12 человек, включая И. Камчатого, с Гижиги он перешел на Пенжину и — неизвестно каким путем — проследовал на юг, на реку, нареченную впоследствии Камчаткой. Зиму 1660–1661 гг. они, видимо, провели здесь и вернулись на р. Гижигу...убиты в 1661 г. оставшими юкагирами».

То есть, подводим итоги, Борис Петрович Полевой при всей своей неправоте, вскрытой В.Е. Бы-

касовым, был прав в принципе — название реки Камчатка в истории географии появляется благодаря походу Ивана Ивановича Камчатого.

О нем самом, к сожалению, известно мало — из промышленных людей, пришедших в Сибирь с Руси, и верстанный в Якутске в казаки.

Больше известно о его командире, с которым он пришел на Чендон, — Федоре Алексеевиче Чукичеве.

Чукичев был из сотни енисейских казаков, которые были оставлены служить в Якутске, когда образовалось в 1639 году самостоятельное Якутское воеводство, и воевода Петр Головин провел жесткий отбор среди енисейских служилых, каждый из которых желал служить на богатой соболями реке Лене, пройдя ее от истоков до низовья.

Не все прошли этот отбор.

Да и та часть енисейцев, которая была принята на службу, не вся оказалась способной служить под началом сурового воеводы — он не миловал никого, кто отступал от воли государства, которая в Якутии была представлена самим боярином Головиным — потомком наследственных хранителей государственной казны России, самых доверенных лиц великих князей Московских и царей России.

Чукичев выдержал это испытание.

Впрочем, он прошел хорошую закалку.

М.И. Белов: «...енисейские казаки Дмитрий Михайлов Зырян и Федор Чукичев, с которыми, как теперь выясняется, Дежнев служил вместе в отряде Посника Иванова Губаря и вместе с ними открывал “новую реку Собачью, а Индигирка тож”. Поход Посника Иванова Губаря ... начался еще в 1636 году и, по словам Федора Чукичева, “шли они через горы коньми... через

Айкино (Айкатыла) — село, центр сельской администрации и Усть-Вымского района, в 22 км от с. Усть-Вымь. Древнейшей частью села является бывшая д. Шежам

Янгу (Яну. — М.Б.) реку до той Индигирки девять недель... Да на той же Индигирки зимовье поставили”...».

По утверждению историка И.Л. Жеребцова Федор Алексеевич Чукичев происходит из коми-зырян погоста Шежам Вычегодской земли.

В Томске в 1600 году отмечен был торговый человек Иван Чюкичев, что позволяет предполагать о возможности существования в тот период родственной служило-торгово-промышленной корпорации Чукичевых в Сибири.

Летом 1642 года вместе с другими знаменитыми землепроходцами — Дмитрием Зыряном (Ярило), Михаилом Стадухиным и Семеном Дежневым прибыли на Алазею: «По морю шли две недели. А с усть Индигирки реки к востоку бежали парусом до усть Алазейки реки, а вверх парусом и собою до юкагирского князца Ноочичана полтретья дни... до лесу. И у того лесу зимовье поставили».

В 1652–1654 года Федор Чукичев служит приказчиком на реке Алазее.

А с Алазеи он впоследствии был отправлен служить на реки Омолон и Чендон.

Мнение о нем в литературе самое разное:

«Знаменит тем, что в 1641 году первым из землепроходцев сообщил в своей докладной «скаске», хранящейся ныне в Якутском архиве, в администрацию Якутска о встрече с чукчами в районе реки Алазеи, таким образом, положив начало документальной истории этого северного народа.

После гибели своего товарища Дмитрия Зыряна, именем которого названа Зырянка, Федор Алексеевич некоторое время возглавлял российскую администрацию на Колыме. Интересен тот факт, что дальний его потомок — Алексей Гаврилович Чикачев, — возглавлял более чем через 300 лет администра-

Якутия, Верхнеколымский район, с. Зырянка, верховья реки Колымы, dnevnik1.ykt.ru

Река Индигирка чуть выше устья Нуцци, С. Карлухин

цию Нижнеколымского района, а среди нынешних Чихачевых, живущих на Колыме и Анадыре, есть, те, что называют себя по национальности чукчами».

В то же время некоторые «историки» начинают летоисчисление «стотридцатилетней войны» русских с чукчами именно со дня встречи Федора Алексеевича со своими будущими родственниками или крестниками.

И о «зырянстве» Чукичева есть и другое мнение: «По мнению А.Л. Биркенгофа, о происхождении Чукичевых, изложенном в книге “Потомки землепроходцев”»: «В связи с этим особый интерес приобретает семейное предание Чихачевых (Чукичевых), безусловно “корневой” и наиболее многочисленной фамилии русскоустынцев из с. Русское Устье. Предание это утверждает, что Чихачевы имеют происхождение “из зырян”, причем Чихачевы особенно упорно и ревниво настаивали на этом.

Конечно, ничего невероятного в том, что родоначальником индигирских Чихачевых был зырянин, нет. Но, скорее всего, это утверж-

дение о происхождении Чихачевых “из зырян” следует понимать иначе. Стоит вспомнить, что одним из сподвижников Д. Зыряна в его конном походе на Яну и Индигирку и в плавании на Алазею был Ф. Чукичев. Стоит вспомнить его последующие плавания и многолетнюю деятельность (приказным и приказчиком на Алазее), как предание о происхождении Чихачевых “из зырян” приобретает исторический смысл. Так, вероятно, и следует понимать утверждение Чихачевых: они действительно “из зырян”, то есть предки (или предок) их были из партии или отряда Д. Зыряна, были сподвижниками Д. Зыряна, основавшего “на край тундры”, на Алазее, зимовье “с косым острожком”».

Первые сведения об Иване Камчатом мы находим в материалах Якутской приказной избы за 1646 год: «Запись об извете промышленного человека Ивана Камчатого о посаженном в караульню служилыми людьми Заварзой Кокоулиным с товарищами».

А 2 мая 1649 г. по распоряжению якутского воеводы Д.А. Францбекова Иван Камчатой был «поверстан» (зачислен) в казаки «на убылое место» умершего на Оленке енисейского казака Федора Мартемьянова.

Служил на реках Индигирке, Колыме, Алазее...

Но по-прежнему оставался промышленным человеком: 4 июля 1654 г.: «У слу-

жилого человека, у Ивашки Камчатого, с его промыслу со штидесяти соболей десятой пошлыны взято семь соболей с пупки и с хвосты». 9 июня 1655 г.: «У служилого человека, у Ивашки Иванова Камчатого, с его промыслу с семнатцати соболей десятой пошлыны два соболя с пупки и с хвосты взято».

Поэтому не удивительно, что именно Камчатой был инициатором похода с Чендона на юг, где, в лесном массиве реки Пенжины (Камчатки), в отличие от «безлесной» Гижиги (Пенжины) обязательно должны были водиться соболя...

И, по всей видимости, промысел был настолько удачен, что слух о великой реке Камчатке распространился по всей Сибири, найдя свой отклик и в географических картах Тобольска.

И последний штрих — о потомках Чукичева:

«Почему потомки Чукичева живут на Индигирке в Русском Устье? По-видимому, так же, как и Семен Дежнев, имевший жену якутку по имени Абакаяда Сючю, Чукичев, будучи приказчиком на Индигирке и Алазее, был женат на аборигенке, скорее всего, юкагирке из племени одулов. Там, в Русском Устье, видимо и осталось его многочисленное семейство, вместе с родней, после его гибели в 1661 году».

ИВАН МЕРКУРЬЕВ СЫН БАКШЕЕВ РУБЕЦ

Теперь, после того как что-то разъяснилось в отношении существования некой «неизвестной реки» Ивана Иванова сына Камчатого — Пенжины, становится понятным, почему Иван Меркурьевич Бакшеев Рубец в 1662 году, спустя год после трагической гибели отряда казаков-первопроходцев Федора Алексеевича Чукичева и Ивана Ивановича Камчатого, уверенно идет с Анадырской устьевой моржовой корги на юг и впоследствии с не меньшей уверенностью докладывает якутскому воеводе, что побывал в верховьях реки Камчатки, где провел зиму и откуда вывез малолетнего мальчика по имени Петр, который, по определению Бакшеева, был коряком.

«Царю государю великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой Якутцкого острогу казачей десятничшко Ивашко Меркурьев. Был я, холоп твой, на твоей, великого государя, службе за Носом, и вверх реки Камчатки на погроме взял я, холоп твой, коряцкого малого и привез с собою в Якутцкой. Милосердный государь царь великий князь и белыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, того малого

записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Почему он был так уверен, что побывал именно на реке Камчатке, которую сами коренные жители называли Уйкоаль (Большая река)?

Потому что в этом походе на реку Камчатку с Рубцом приняли участие промышленные люди, которые прежде служили в отряде Чукичева-Камчатого и были первооткрывателями той неизвестной еще русским людям реки Камчатого (Пенжины).

Вот сообщение Б.П. Полевого: «Еще в 1660–1661 гг. до далекого Якутска дошли какие-то сведения о дальних походах Ивана Камчатого и возникавших там тогда каких-то конфликтах. Поэтому в наказную память казаку Ивану Хворому, вновь посланному в июле 1661 г. из Якутска на дальнюю службу на Омолон, Пенжину и Гижигу («Чендон»), и было включено особое задание «выслать в Якутцкой острог с приставы служилых людей Ивашка Камчатова, да Макейка Игнатьева, да промышленных людей Проньку Федорова Травина да Алешку Яковлева Усольца».

Ивашка Камчатой и Макейка Игнатьев погибли в стычке с юкагирами на Омолоне.

Алешка Яковлев Усолец продолжал промыслять зверя на «Камчатке».

А вот «Пронька» Федоров Травин, — как сообщает Б.П. Полевой, — беглый колымский казак, с Пенжины перешел по Омолону и Колыме на Анюй и оттуда на Анадырь.

Где он и встретился с Иваном Меркурьевичем Бакшеевым Рубцом, новым приказчиком Анадырского острога.

И свой секрет о реке Камчатого, Пронька, по всей видимости, раскрыл вовсе даже не добровольно — «Рубец даже арестовал на корге Проньку Федорова Травина, зачем-то “сажал в колоду”, а затем использовал его в качестве вожа при плавании на юг» (Б.П. Полевой).

Вторым участником экспедиции Чукичева-Камчатого был промышленный человек Савва Анисимов Шароглаз, который тоже оказался к этому времени на реке Анадырь, что и неудивительно — именно с нынешней реки Пенжины (исторической Камчатки) и нетрудно

Чукчи были крайне воинственны и неутомимы в набегах на соседей по региону. The Stapleton Collection/Vostock Photo, eadaily.com

было добраться до реки Анадырь: «Другим информатором Рубца о южных землях и реке Камчатке мог быть и уже упоминавшийся промышленный человек С.А. Шароглаз. До нас дошел документ о возникшем между Рубцом и Шароглазом каком-то конфликте, во время которого «Савка Шароглаз, ведомой вор» будто бы «Ивана Рубца хотел копьем проколоть в ясажном зимовье» (Б.П. Полевой).

Тогда, вероятно, эти «информаторы» полагали, что если не трудно по суше добраться до реки Камчатого, то по морю это будет сделать еще легче, не подозревая, что Камчатский полуостров (о котором они еще знать не знали) уходит далеко на юг. И поэтому первая встретившаяся на их пути большая река была принята за реку Камчатого, и это название — Камчатка — закрепилось за ней уже на века.

На «Камчатке» (Пенжине) обитали коряки. Поэтому Иван Рубец и не сомневался, что вывезенный им с Камчатки малец Петр был коряком.

А вот слово камчадалы, вполне вероятно, и здесь можно согласиться со знатоками корякского языка, русские впервые услышали несколько позже от северных соседей камчадалов — пенжинских коряков, со многими из которых те находились в прямом родстве, создавав, таким образом, например, западнокамчатский субэтнос кулес, о котором сообщает С.П. Крашенинников. И это слово удачно по своему внешнему оформлению вплелось в концепцию поиска великой соболиной реки Камчатки.

Конечно, это тоже предположение. Но впервые в истории это слово употребил Владимир Владимирович Атласов, идя в Камчатку через корякские земли.

Но вернемся к Ивану Меркурьевичу Бакшееву Рубцу.

Что мы знаем о нем?

Благодаря кропотливому труду Б.П. Полевого мы знаем сегодня:

«Из челобитной вологжанина Филиппа Бударева видно, что еще в августе 1648 г. Иван Рубец привез из Тобольска в Якутск какие-то «государевы грамоты» и вскоре оттуда выехал в обратный путь. В 1653 г. Рубец, как знаток пути из Тобольска до Якутска, был опять послан на восток. На этот раз он ехал из Тобольска на Лену в качестве «пристава» при колоднике-фальшивомонетчике Константине Конюховском. В Якутский острог он прибыл 30 июня 1654 г. Отсюда он должен был вернуться в Тобольск, но этому помешала «очная» (глазная) болезнь. Когда его здоровье улучшилось, ему стало очевидным, что он «за скудостью» уже не сможет скоро вернуться на свою родину. Поэтому он обратился к якутскому воеводе с челобитной, в которой он просил поверстать его в десятники Ленского острога «на убылое место» погибшего на Амуре десятника Т. Чечигина. 24 июля 1655 г. воевода Лодыженский согласился зачислить Рубца лишь в рядовые казаки Якутского острога. Вскоре после этого он был отправлен с казачьим десятником С.А. Мельненком на далекую реку Тугур за реку Уду. Там он прожил до 1657 г. При возвращении назад по Охотскому по-

бережью Рубец был тяжело ранен в грудь («и едва ожил») на реке Лантарь. После выздоровления в 1659 г. он был послан вместе с пятидесятником Василием Бурлаком на Индигирку в Зашиверский острожек. Оттуда Рубец для самостоятельного сбора ясака проехал на реку Хромую. Сбор оказался весьма успешным. С реки Хромой Рубец повез прямо на Лену значительный ясак. Вернувшись в Якутск, он вновь подал челобитную о поверстании его в десятники. На этот раз новый якутский воевода И.Ф. Большой Голенишев-Кутузов пообещал исполнить эту просьбу, и действительно 15 декабря 1661 г. И.М. Рубец был поверстан в казачьи десятники. Но еще до этого в июле 1661 г. И.М. Рубец был послан из Якутска на Анадырь, где он должен был сменить знаменитого первооткрывателя Байкала Курбата Иванова на посту приказного в Анадырском остроге».

То есть, это был один из многих тобольских казаков, который прибыл на так называемую «годовалую» службу в Якутск — или, говоря современным языком, прибыл в командировку.

После тяжелого ранения в грудь, вполне вероятно, и получил прозвище Рубец, с которым и вошел в историю географических открытий. Дослужился только до первого казачьего чина — десятника.

В 1662 году на коче ленской (усть-кутской) постройки, обогнув Чукотский Нос, прибыл на устье реки Анадырь в должности Анадырского приказчика на смену Курбату Иванову — знаменитому исследователю Байкала. Кстати говоря, морской вояж Рубца из Северного Ледовитого океана в океан Тихий — первое, документально за-

свидетельствованное, плавание русских мореходов в Беринговом проливе и Беринговом море.

По пути к нему присоединились на собственном коче промышленники, которые также намеревались добыть «рыбий зуб» — моржовые клыки — на Анадырской корге. Но корга (отмель, на которой располагалось

Анадырский острог. М.И.Белов

моржовое лежбище) оказалась пустой – зверь, напуганный прежними зверобоями, покинул традиционное место своего обитания.

И вот тогда — и закономерно, и неожиданно — родилась мысль о морском походе на юг.

Закономерно — потому что пришли за добычей и ее нужно было во что бы то ни стало отыскать, чтобы оправдать затраты и риск.

Неожиданно — потому что выпытали у Проньки Травина известие о существовании богатой соболями реки Ивана Камчатого.

И они нашли эту реку. И вывезли отсюда несметные пушные богатства.

Что и попытались скрыть.

Собственно, и скрыли: никаких исторических известий о том, как обогатились спутники Ивана Бакшеева в этом походе, не существует.

Но слух все же прошел.

И пришедший на смену Ивану Рубцу приказчик Дмитрий Катасонов имел воеводский наказ выпытать у самого Рубца тайну того похода. Вот, что сообщает Б.П. Полевой: «За попытку скрыть свои истинные доходы Иван Рубец был арестован и подвергся избиениям. Официально он объявил, что за годы своей службы в Прианадырье и южных землях он смог собрать различного добра на 1050 рублей. По тем временам это была колоссальная сумма. Рядовой казак тогда имел годовое жалованье только в шесть рублей. Наивысший казачий чин — сын боярский имел жалованье годовое всего в десять рублей. Катасонов считал, что истинный доход Ивана Рубца — особенно во время его южного похода 1662–1663 гг. — был значительно выше».

Но Рубец превосхитил события — за-благовременно тайно вывез из Анадырско-го острога и схоронил свои богатства, как, вероятно, это сделали и другие участники похода.

Но с частью добра пришлось все-таки распрощаться: «И после день другой спустя и удумал своими советниками и стал меня, холопа, в муку и в колоде лупить и батоги бьет и палкою своею рукой и тот живот у меня вымучил».

Не понятна в связи с этим историче-ским походом на Камчатку и глупейшая (на первый взгляд) история гибели двух

кочей, на которых был осуществлен этот морской поход и которые были уничто-жены (то ли по недомыслию, то ли по зло-му умыслу): «...как шел с моря с корги и пришед в осень во 171 году кочи покинул недошед до Анадырского острогу верст 10 и больши, а все (в) невсовеице своей, и пришед неясачные люди коряки те кочи сожгли и под острогом три человека уби-ли...».

Складывается впечатление, что кочи были уничтожены преднамеренно, чтобы не было возможности и другим желающим из Анадырского острога попользоваться

возможностью нового промыслового «воя-жа» на Камчатку.

Впрочем, эта тайна покрыта мраком времен...

Иван Меркурьевич возвратился в Якутск в 1666 году, а через два года в официаль-ном документе, который мы выше приво-дили, — это его сообщение о реке Камчатке уже не является для его собеседников ка-кой-то новостью и не вызывает у первых руководителей Якутского воеводства ника-ких вопросов, что эта за такая река Камчат-ка и где она протекает, по какой-такой не-веданной земле.

В 1668 г., как сообщает Б.П. Полевой, — Иван Ермолин был официально «наряжен... на службу на новую на Пенжину реку для приводу под государеву царскую высокую руку новых земель и для прииску жемчюгу и узорочного камня» с заданием побывать на реке Камчатке».

То есть, о реке Камчатке уже знали, на ней уже побывали, но по-прежнему еще не подозревали о существовании... земли Кам-чатки (Камчадальской землицы).

Вот такие «заковыки» преподносит нам история географических открытий на Северо-Востоке России.

28

Владимир Наус «Ворон и девушки». 1980-е гг. Моржовый клык, графит цветных карандашей, резьба, гравировка. Государственный музей Востока

29

Любовь Эйнес «Сказка о Лолгылине». 2009 г. Моржовый клык, графит цветных карандашей, гравировка, резьба (лицевая и оборотная стороны). МЦ «Наследие Чукотки»

ИВАН ГОЛЫГИН

Легенду о том, что река Голыгина (юго-западное побережье Камчатки) названа так в память о казаке Голыгине, который то ли потерялся, то ли погиб в этих местах, участвуя в походе Владимира Атласова, распространил Степан Петрович Крашенинников.

В первом варианте очерка «О завоевании Камчатской Земли...» он пишет: «...собрав несколько ясаку, вышел он (Атласов. — С.В.) чрез Анадырской острог в Якуцк, а оттуда — в Москву, а на Камчатке поручил он команду... Морозке Старицыну, который... от живущих на Тигиле реке иноземцев убит.

По нем выбран над русскими командиром Голыгин, но и оной неволье после Морозки убит на реке Нынгуче, которая с рекою Опалою устьями вместе сошлася и впала в Пенжинское море выше устья Большой реки верстах в 60, отчего она река ныне Голыгиною называется».

Во втором варианте ситуация меняется: «По Федоте кочевщике проведал о Камчатке анадырской служивой Морозко Старицын, будучи в походе противу коряк, а доходил он только до впадающей в Пенжинское море Морошечной реки...

...Морозко с Атласовым сошелся на Тигиле реке, а с Тигиля пошли они вперед

подле Пенжинского моря и дошли до Голыгиной реки, где из партии убит один служивой, Голыгин прозванием, отчего она река и по сие время Голыгиною называется, а на бою ли убит или иным каким образом — про то неизвестно».

В третьем, окончательном варианте, он пишет: «...заподлинно знать невозможно до которых мест доходил Атласов; а по словесным известиям камчатских старожил, доходил оной до реки Нынгычу, что ныне Голыгиною называется по имени казака Голыгина, которой в оном Атласовом походе пропал безвестно...».

У самого Атласова о Голыгине ни слова: «А до Бобровой реки, которая на Пенжинской стороне, не доходил он Володимер за 3 дни. А от той реки — сказывают иноземцы — по рекам людей есть гораздо много. И оттого воротился он Володимер с служилыми людьми назад и пришел на Ичю реку. Божиим изволением олени у них выпали и итти им было вскоре в Анадырской острог не на чем, и он де на той Иче реке поставил зимовье».

Но в этом своем походе Атласов потерял больше половины своих людей — и служилых, и промышленных, и союзных с ним юкагиров, имена которых до сих пор остаются нам неизвестными.

Но случай с Голыгиным — особый.

Седанка (приток Тугиля), [wikimedia.org](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sedanka.jpg)

Дело в том, что именно Гольгину историки отводят роль руководителя одной из первых (а может быть, и самой первой) экспедиций на полуостровную Камчатку, которая проходила то ли по морю, то ли, по суше.

Но эта версия, впервые выдвинутая Михаилом Ивановичем Беловым, столкнулась с противоположным мнением его постоянного оппонента Бориса Петровича Полевого и, мягко говоря, забуксовала.

Запутался и новосибирский историк, доктор наук Андрей Сергеевич Зуев, пытаясь объединить разные мнения и суждения по этому поводу:

«В 1683 г. Иван Гольгин ходил из Анадырского острога “проведывать” коряков, обитавших в северной части Камчатского полуострова (И.С. Гурвич Этническая история... С. 50.).

В январе (или мае) 1684 г. нижнеколымский приказчик Иван Осипович Гольгин с казаками и нижнеколымскими юкагирами отправился вверх Анюя на “изменников” ходынцев — Канива с родниками. Канива уговоров не послушался и начал драться. Казаки погромили 7 юрт, убили 16 чел. из 50, взяли трех аманатов (в том числе Каниву) (ДАИ. Т. 11. С. 133; Б.О. Долгих Родовой и племенной состав... С. 432.).

В 1686–1688 гг. Иван Васильевич (Осипович?) Гольгин совершил поход с 13 казаками и промышленниками в сопровождении юкагиров из Анадырска в “коряцкую землю” на р. Пенжину. С Пенжины Гольгин с тремя казаками вышел на Камчатку до р. Караги и о. Карагинского. Из-за малочисленности своего отряда объяснить коряков не смог (Г.А. Леонтьева Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 55–56; М.И. Белов Арктическое

мореплавание... С. 185.) В литературе по поводу отчества участника камчатских походов Ивана Голыгина нет единого мнения. Дело в том, что в данное время в Якутском гарнизоне служило три Ивана Голыгина: десятник Иван Осипович, его сын Иван Иванович и племянник Иван Васильевич. М.И. Белов считал, что в походах на Камчатку участвовал Иван Васильевич Голыгин (М.И. Белов Русские походы на Камчатку до Атласова // Изв. ВГО. 1957. Т. 89. № 1. С. 28). Его постоянный оппонент Б.П. Полевой категорически утверждал, что речь может идти только об Иване Осиповиче Голыгине (Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. С. 58–59)».

В свое время на основании этих материалов я тоже написал свой очерк «Иван Голыгин», который теперь можно будет рассмотреть с позиций вновь открывшихся сведений о том далеком времени.

Поэтому, чтобы найти искомое, мы с вами пойдём от обратного — от того Голыгина, который был вторым лицом в известном по документам походе Луки Старицына Мороски 1695–1696 гг., то есть спустя более чем десять лет после пер-

вого похода в корякскую землю незнаемого нами Голыгина.

А что нам известно? Совсем немного: «7... году месяца Якуцкого города и присутствия Якуцкого же в дальнем расстоянии на реке Анадыре, завомое “за Носом”, из острогу Анадырского пошли устужане, промышленные русские люди, иных разных городов пятнадцать человек, в них же бе первенствеши человек именем Лука... сын про-

званием Старицын, по нем вторы человек... сын Голыгин, родом устужане, а по Якуцкому городу служивые люди посланцы были из Якуцка в Анадырский острог ради ясашного збору, и тамо има дошедшема и пребыста время немалое ради ясашного збору с ламуцких и з юкагирских иноземцов».

Итак, Лука Старицын и некий Голыгин оба были «устужане», то есть уроженцами города Великий Устюг.

Якутский острог (восстановленный),
wikimedia.org

Поморский коч, худ. К. Черепанов

Что же касается казачьего десятника Ивана Осиповича Голыгина, то о нем в одном из документов сообщалось следующее: «Десятник Ивашко Осипов Голыгин, уроженец Якутцкой, а отец у него был из гулящих людей в службе».

И далее, исследуя архивные документа, в записях таможенной книги на Индигирке мы встречаем такую вот информацию: «Того ж дни [25 апреля 1650 г.] продали промышленные люди Федька Онтропьев да Васка Иванов Голыгин устюжанин два сорока шесть соболей Осипа Осколкова брату ево Петрушки Екимову. Взяли восьмьдесят шесть рублей».

Читаем далее: «И промышленные люди, Василий Голыгин да Федька Онтропьев, били челом государю, чтобы их, Ваську и Федьку, государь бы пожаловал велел бы им тот кочик с кочевною снастью, и с ногами, и с парусом дать из своей государевы казны до сроку в долг, а сверх их торговых людей оценки он, Васька и Федька, порядили дать в государеву казну двенатцеть соболей. А Федька Худяков бил челом государю о том же кочике и просал его из государевы казны в долг же до сроку. И я, Костька, тот государев старой кочик и с кочевною снастью и с ногами, и с парусом отдал в долг до сроку промышленным людям Ваське Голыгину да Федьке Онтропьеву, а на них, Ваську да Федьку, взял за тот кочик и за парус в госу-

дареву казну память с подпискою в пятидесять в двух соболях в промышленных с хвосты и голова без выводу на срок, на николин день вешной 159 году. А та кочевная снасть ветчаная и парус был ветчаной же и впредь было тем парусом на судах и по рекам и по морю ходити немощно, потому что тот парус давнишной, привозу на великую реку Лену воевод Петра Петровича Головина с товарищи».

Это 1650 год.

А несколько ранее на Лене объявился еще один устюжанин: «Ивашко Ондреев сын Мещеряков убит во 150-м [1642] году и того ж году в его место Осипко Иванов сын Голыга Устюжанин».

Что дает нам право предположить, что Василий Иванович Голыгин и Осип Иванович Голыга были родными братьями.

К этому же предположению нас подталкивает и А.С. Зуев: «Дело в том, что в данное время в Якутском гарнизоне служило три Ивана Голыгина: десятник Иван Осипович, его сын Иван Иванович и племянник Иван Васильевич».

Но это не совсем так и совсем не так. В документах Якутской приказной избы за 1690 год мы встречаем такую запись: «Дело по челобитью казака Ивана Васильева сына Голыгина о возвращении с реки Колымы его сродного брата казачьего сына Петра Анто-

нова, отданного в работу торговому человеку Матвею Ворыпаеву отчимом Осипом Гольгою».

А вот и другая запись из документов Якутской приказной избы: «Ед. хр. 1419, Книга сбора ясака за 1686–1687 [195] г. с юкагиров по Алазейскому зимовью десятника Ивана Гольгина».

Скрепили Кровков и за Гольгина — брат его Иван Васильев Гольгин».

И если уже Иван Васильевич Гольгин не был Ивану Осиповичу Гольгину двоюродным братом, то он уже точно был его сводным братом — Осип Гольга был женат на вдове Василия Ивановича Гольгина, и поэтому Иван Васильевич не мог быть племян-

ником Ивана Осиповича, а вот племянником Осипа Гольги — вполне вероятно.

Иван Осипович Гольгин, рожденный в Якутске (и потому уже не считавшийся устюжанином), 20 июня 1670 года был записан в якутские казаки.

«Се аз, Якутцкого острогу дети боярские: Петр Андреев сын Ярышкин, Григорей Федоров Пушин, Леонтей Трифанов, сотник казачей Третьяк Васильев сын Смирнягин, атаман казачей Семен Дежнев; пятидесятники казачей Друган Прокопьев, десятник казачей Сава Михайлов Учюжников; рядовые казаки: Григорей Михайлов сын Батов, Микифор Мошинцов, Борис Павлов Серебряник, Семен Дементьев Сорокоумов, Емельян Иванов, Максим Семенов, Иван Васильев Курмышев, Михайло Иванов Молоков, Корнило Иванов Ванюков, Мокей Микитин, Павел Мартемьянов, Степан Краснопев, Иван Григорьев Кобелев, Михайло Дехтярев, Василей Вахромеев, Алексей Годнев, Федос Перфирьев, Иван Власов, Андрей Иванов Цыпандин, Степан Ерасимов Цыпандин, Павел Селиверстов Щепеткин, Иван Потапов, Богдан Иванов, толмач Афонасей Семенов Шульга, Андрей Артемьев Унжак, Марко Кирилов, Фома Артемьев, Ерофей Стефанов да Яков Стефанов Шолковники, Алексей Верхотуров, Игнатей Савин, Филат Васильев, Микифор Васильев, Григорей Микифоров

Черепан, Сидор Бовыкин, Дмитрий Спиридонов, Михайло Иванов Даурец, Иван Семенов Безносой, Клим Уледников, Иван Андреев, новокрещен Иван Тимофеев Южак, Иван Селиверстов Щепеткин, Иван Сырянин поручилися есми в Якутцком остроге по казачье сыне по Иване Осипове сыне Гольгине... за нашею порукою в Якутцком остроге великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича... в казачьей службе».

А в 1688 году был поверстан в казаки уже сын Ивана Осиповича Гольгина Никита Иванович Гольгин.

А имя устюжанина Ивана Васильевича Гольгина мы встречаем в списке якутских казаков за 1681 год, то есть он, скорее всего, был значительно младше своего сводного брата.

В это время Иван Осипович Гольгин служил уже приказчиком Пенжинского зимовья и был в чине казачьего десятника.

А чуть позже — в 1683 году — случилось некое историческое перекрестье, в котором запутались историки.

Вот мнение Бориса Петровича Полевого: «Изучение ряда документов, связанных с камчатским походом Л.С. Мороско 1695–1696 гг., показало, что М.И. Белов не был прав и тогда, когда утверждал, что в походе Мороско участвовал Иван Васильев Гольгин, который впоследствии — “в 206 году”

Эколого-этнографический центр Чочур Муран, канонический якутский острог, zen.yandex.ru

погиб на Камчатке. Кстати сказать, 206 г. — это не 1696–1697 гг., как писал Белов, а 1697–1698 гг., и это ясно показывает, что Иван Осипов Голыгин погиб не до похода В. Атласова, а во время него. Эти данные сразу опровергают два утверждения Белова: во-первых, то, что И. В. Голыгин трижды “ходил в коряки” до похода Атласова, и, во-вторых, то, что в рукописи, найденной А.И. Копаневым (которую мы цитировали выше, говоря об уроженцах Великого Устюга. — С.В.), речь шла не о И.О. Голыгине, а о И.В. Голыгине».

Но на этот раз надо признать правоту М.И. Белова — речь идет об устюжанине Иване Васильевиче Голыгине, а не об уроженце Якутска десятнике, в недавнем приказчике Пенжинского и Нижне-Колымского зимовий, Иване Осиповиче Голыгине, который никаким образом не мог быть в подчинении у рядового казака Луки Старицына Мороски — скорее, все должно было быть ровным счетом наоборот.

Но мы забегаем вперед.

15 марта 1683 года Иван Осипович Голыгин сообщает в Якутск о состоянии дел и наличии людей в вверенном ему Пенжинском зимовье: «...Да в прошлом во 191 году [сент. 1682 – авг. 1683] из Якутцкого острогу великих государей на службу в Ковымское Нижнее зимовье на Ковыму реку ко мне, Ивашку, посланы на коче вниз по Лене реке и на

Ковыму реку казаки Сергушка Мухо(плев) с товарищи. И он, Сергушка, с служилыми и с подарочною казною на Ковыму реку марта по 15 число не бывал. А указано мне, Ивашку, на Омолон реку десятнику Дмитрею По(тапову) трех человек, а на Янандырь реку к... Ворыпаеву четверых... дать было... Да указано мне, Ивашку... с... реки старых казаков выслать в Якутцкой острог, которые заслужили великих государей жалованье. И яз за малолюдством старых казаков не послал за тем, что с коча на Ковыму реку служилые люди ко мне не бывали».

И летом же этого 1683 года пенжинский приказчик казачий десятник Иван Осипович Голыгин прибыл в Анадырский острог. «В документах Анадырской приказной избы за 1683 г. есть запись о том, что пенжинский приказчик Иван Голыгин прибыл на Анадырь с тремя казаками: Сидором Григорьевым, Павлом Ларевым и Степаном Ивановым» (М.И. Белов). Следовательно, они шли пешком и налегке. Морским путем на парусном судне — это было не по силам четверым.

И в этом же 1683 году Иван Васильевич Голыгин был из Анадырского острога отправлен в свой первый поход в «корякские земли».

М.И. Белов, правда, обращает внимание (и тем отвлекает нас, кто ссылается на его труды) на следующие вещи, связанные с десятником Иваном Осиповичем Голы-

гиным: «Летом 1683 г. он совершил путешествие от Пенжины в Анадырский острог, где сдал под расписку имущество, не нужное ему для дальнейшей поездки: два напарья больших, два сверла, долото, два багра и другую судовую снасть и инструменты. В якутском “судном” столе в 1683 г. за Голыгиным числились: «коч да карбас морской, да лодка набойница, да кочевых всяких припасов: два дрога новых, мерою в них 33 сажени, тобольской присылки шеймы 92 сажени, кочевой причалки 15 сажений, да якорь весом 4 пуда 10 гривенок».

Но скорее всего, все это имеет прямое отношение не к морскому походу с реки Пенжины, а к другому важному историческому факту — тому, что, действительно, путь с реки Анадырь до Колымы Голыгин проделал по морю. И потому в феврале 1684 года, будучи уже нижнеколымским приказчиком, Иван Осипович Голыгин докладывает якутскому воеводе о том, что он освободил сухопутную (закрытую для русских прежде!) дорогу на Анадырь:

«Государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, столнику и воеводу Ивану Васильевичю, с Ковымы реки из Нижнего Ковымского ясачного зимовья десятник казначей Ивашко Голыгин челом бьет. В нынешнем во 192 году, генваря

в [повреждено; янв. 1684] из Нижнего Ковымского ясачного зимовья в вверх [по] Анюю на Анадырские хребты ходил я Ивашко с служилыми людьми в десяти человеках великих государей на службу в поход на неясачных Юкагирей на изменников Ходынских».

Чем интересен для нас этот поход Голыгина? Тем, что именно из-за «неясачных Юкагирей... изменников Ходынских» был прежде перекрыт сухопутный путь на Анадырь и, естественно, из Анадырского острога тоже. Следовательно, путь из Анадырского острога на Колыму Иван Осипович Голыгин, действительно, проделал по... морю.

Что и позволило впоследствии авторам (в том числе и мне самому) сделать весьма смелое предположение о том, как добирался Иван Осипович с реки Пенжины до Анадырского острога, если у него был в наличии «коч да карбас морской»? Это был первый вопрос, на котором споткнулись историки.

И второй. Каким тогда образом Иван Осипович Голыгин, если это был он, смог открыть в том же году остров Карагинский?

Если он шел морем? Возможно.

Но тогда и река Голыгина — как возможная крайняя точка западнокамчатского побережья — вполне определенный географический ориентир для будущих землепроходцев, в том числе и самого Атласова, и участников его похода, многие из которых

впоследствии были проводниками в отряде первого камчатского приказчика Тимофея Кобелева и служили на Камчатке.

И тогда открытие Карагинского острова с моря, по пути следования уже с восточной Камчатки на Чукотку, весьма реально.

Но нереально другое — в течение одного лета 1683 года совершить на коче переход с верховий реки Пенжины вдоль западного и восточного побережий Камчатки, а затем еще успеть с Чукотки добраться до Колымы. При этом нужно помнить, что чуть ли не до середины лета Пенжинский залив забит льдами, о чем сообщали позже многие моряки-тихоокеанцы 18-го столетия, которым приходилось неделями дрейфовать на своих парусных судах, попав в ледовый плен.

А если Иван Осипович с тремя своими товарищами шел по тундре, то разве не мог бы совершить это открытие?

Мог бы — но для этого нужно было сделать огромный (и главное бессмысленный — ведь он не просто шел, а спешил идти в Анадырский острог, чтобы успеть летом пройти морем Чукотский Нос, идя строго на северо-восток, с верховий Пенжины, и принять Нижне-Колымское зимовье, куда был назначен) крюк, требующий значительного количества времени, которого у Ивана Осиповича не было — ведь, повторяем, летом он уже был на Чукотке, а зимой (в декабре-ян-

варе) — выступил в поход с Нижней Колымы. Не по воздуху же он летал?!

А вот один из трех пеших походов анадырского казака Ивана Васильевича Голыгина в «корякские земли» (1683, 1686–1688 и 1691 гг.), о которых сообщают нам историки, вполне мог завершиться и в районе острова Карагинский, и, возможно, даже и на западнокамчатской реке Голыгиной, как конечной точке пути Ивана Васильевича Голыгина (как, кстати, и Атласова)...

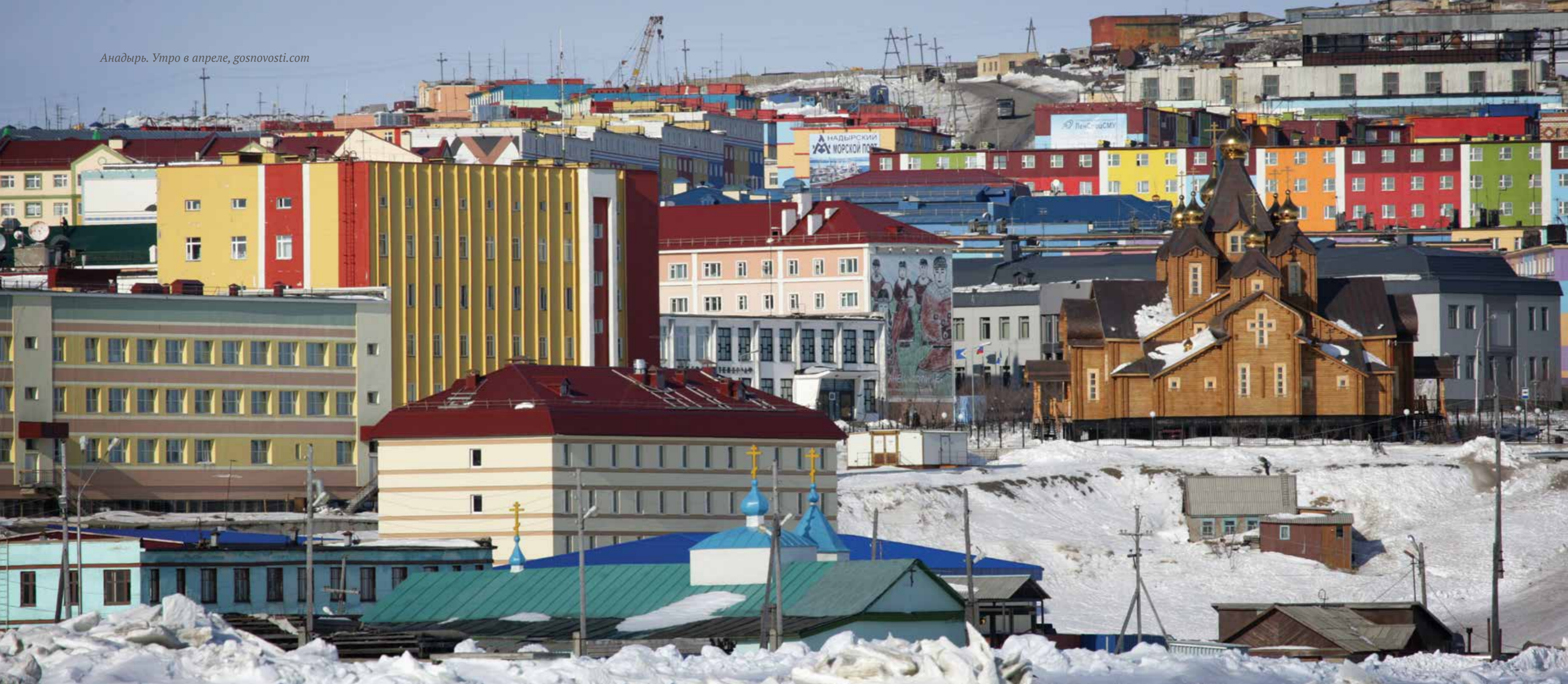
И, вполне возможно, что именно эти два разнонаправленных похода Ивана Осиповича и Ивана Васильевича Голыгиных в 1683 году впоследствии были восприняты как один.

Возможно.

Но пойдём далее.

Борис Петрович Полевой категорически выступил против предположений Михаила Ивановича Белова: «Изложив свою версию истории служб двух Голыгиных — Ивана Осипова и Ивана Васильева, он (Белов — С.В.) безоговорочно объявил, что здесь шла речь об Иване Васильеве Голыгине, который будто бы трижды ходил “в коряки”: первый раз — между 1686–1689 гг., второй — с 1691 г. до 16 апреля 1692 г. и третий — вместе с Лукою Мороско — в 1695–1696 гг.».

Но, вполне вероятно, что прав был именно Михаил Иванович Белов.

И в третьем (или уже в четвертом, если считать 1683 год?) походе, как показал нам сам Б.П. Полевой (не обратив на это никакого внимания), участвовал устюжанин — то есть именно Иван Васильевич — Голыгин.

Вопрос: почему в таком случае, будучи прежде первым лицом, он был вторым человеком в составе большой промышленной компании, насчитывающей 17 человек служилых и 57 промышленных людей?

По одной простой причине — эту промысловую компанию организовал не он, а Лука Старицын (возможно, и на собственные средства), который, по всей видимости, и привел с собой из Якутска этих людей и был для них старшим.

А Голыгин был вторым лицом, потому что он... уже был на Камчатке. И теперь вел сюда отряд Луки Мороски.

И вполне возможно, что Иван Васильевич, действительно, достиг «крайней реки» — реки Голыгиной — в том своем походе «в коряки», временные рамки которого столь широко расходятся — с 1686 по 1689 годы, а не в более коротком по срокам походе 1691 года, о котором и шли столь яростные споры между двумя замечательными учеными. И в котором не могли участвовать ни Иван Осипович Голыгин, ни Лука Старицын Мороска, в чем абсолютно прав Б.П. Полевой.

Иван Осипович, казачий десятник, в это самое время только еще возвращался со своей семьей из дальней ссылки, на которую его обрек якутский воевода П.П. Зиновьев по так называемому «Камчатскому делу» 1690 года, суть которого заключалась в том, что группа якутских казаков, в которую входил и десятник Голыгин, намеревалась убить воеводу с его приспешниками и бежать... в Камчатку.

Это дело, действительно, объединяло между собой людей, прямо или косвенно связанных с первыми походами в «корякские земли» и на Камчатку. Например, среди арестованных, а впоследствии тоже сосланных, был Филипп Щербаков, который был участником похода Ивана Рубца на Камчатку, «а также Иван Андропов Котельник, незадолго до этого вернувшийся с Анадыря. Котельник бывал... в “коряках” и даже у восточных “морских каменных” чукчей, т. е. чукчей с “Большого каменного носа” (Чукотского полуострова)» (Б.П. Полевой).

В числе ссыльных оказался и Иван Осипович Голыгин с семьей:

«Роспись ссыльным людям, которые посланы в ссылку в Нерчинской острог:

“Десятник Ивашко Голыгин з женою с Оринкою да з дочерьми с Офимицею да с Матрешкою, да с Настькою”.

Сыновья у него были уже взрослые и служили в казаках.

Новый якутский воевода И.М. Гагарин, в срочном порядке, в связи с катастрофическим положением со служилыми кадрами, рассмотрел это дело и отменил приговор: “Уже осенью 1691 г. основная часть реабилитированных служилых была отправлена из Якутска на различные ‘дальние службы’. Так, И.О. Голыгин зимой 1691–1692 гг. оказался на Индигирке, где ему долгое время пришлось ‘сидеть в осаде’ (он был окружен восставшими ламутами-эвенами)”.

Не было в тот период в Анадырском остроге и Луки Мороски.

А поход 1691 года был. Правда, Б.П. Полевой почему-то дает другую датировку этого похода. То есть, получается, что был еще один, или Б.П. Полевой ошибся с датировкой: «В самом деле, поход 1695–1696 гг. (вероятно, все-таки 1691 года. — С.В.) на Камчатку был предпринят анадырскими казаками по прямому распоряжению приказчика Михаила Многогрешного. Это был типичный служивый поход, имеющий целью сбор ясака и подведение “под царскую руку” новых племен. В рукописи же идет речь о походе, предпринятом по частной инициативе (походе Мороски — Голыгина. — С.В.). Автор записей говорит, что казаки «нача промышляти, камо бы им про-

ведати место и людей незнаемых — прежде бо сего намерения слух им носился через юкагирских иноземцов про камчацких людей и от того слуху паде им намерение там отити. И присовокупив к себе 57 человек и поидоста там ради соболиного промыслу чрез хрепты и лесные и пустые места в неведомые страны».

А вот была ли река Голыгина, действительно, конечной точкой этого или другого похода — вопрос открытый.

Но есть ответ на другой вопрос — как мог связать Атласов и его товарищи, назвавшие эту реку Голыгиной, с именем Голыгина?

В этом нам помогает Борис Петрович Полевой: в 1694 году анадырский приказчик Афанасий Пущин отправляет ясак в Якутск: «Везти эту “казну” в Якутск поручили бывалому казаку Михаилу Голыгину. Ему в помощь выделили Владимира Атласова и Василия Куркуцкого».

Бывалый казак Михаил — Михаил Васильевич — Голыгин был родным братом Ивана Васильевича, и вполне вероятно, он был и участником «корякских» походов, о которых мог рассказать Атласову во время дальнего путешествия из Анадырского острога в Якутск.

А далее события разворачиваются следующим — довольно стремительным — образом: «В августе 1694 г. “казна” была в целости

доставлена в Якутск. Тогда-то Владимир Атласов и поведал якутскому воеводе И.М. Гагарину о том, что Анадырский острог очень удобен для освоения “новых земель”. Рассказ произвел впечатление на воеводу, и Владимир Атласов решил этим воспользоваться для того, чтобы попросить воеводу поверстать его в казачьи пятидесятники на место погибшего

в 1688 г. Василия Кузнецова. Просьба Атласова была уважена 11 октября 1694 г.».

Ивана Васильевича Голыгина в свой поход Атласов не берет — оставляет его за себя в приказчиках Анадырского острога: «Как видно из отписки казака Григория Постникова, уходя в поход, В.Т. Атласов оставил за себя в Анадырском остроге казака Ивана Го-

лыгина (ААН, ф. 21, оп. 4, № 32, л. 328), от которого Григорий Постников и принял дела 23 февраля 1697 г.» (М.И. Белов).

Если Иван Осипович был в это время в Анадырском остроге, по утверждению Б.П. Полевого, то почему за себя пятидесятник Атласов оставляет казака, а не десятника Голыгина?

Известно, что с Атасовым был в том походе Никита Иванович Голыгин — сын десятника Ивана Осиповича Голыгина (это был казак уже бывалый — верстан на службу еще в 1688 году).

Из этого похода Никита Иванович возвращается живехоньким и здоровым — впоследствии служит на Камчатке и был даже

48

Река Анадырь, velesovik.ru

49

Река Кольма, www.artfle.ru

причастен к убийству Атласова в 1711 году, но ушел от наказания, воспользовавшись удачным стечением обстоятельств — поддержкой камчатского приказчика Василия Севастьянова Щепетного (возможно, Щепеткина — потомка одного из тех казаков, которые ручались за Ивана Осиповича при его верстании в якутские казаки).

Иван Осипов Голыгин, как отмечено в списке Якутского острога 1701 г. «в прошлом 206 (1697/98) году за Носом убит, а оклад ево в выбылых» (ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 1344, 1382/об.). За «Носом» — за каким? За Чукотским?

По данным 1706 года в десятой пятидесятне Якутского казачьего полка служил казак Иван Голыгин.

Но не ясно, кто это был — Иван Васильевич или Иван Иванович, еще один сын Ивана Осиповича, о котором сообщает А.С. Зувев.

Правда, есть одна очень важная деталь: «Алексей Поротов в допросе сказал: в прошлом 704 году, послал его Алексея с Иваном Томским из Анандырского острогу приказчик Евфим Петров в Камчадалские остроги с присланными из Якутца указными памятьми к приказчику Василью Колесову. И он де Алексей с товарищем шли с Анандыря до Пенжины и с Пенжины до Камчатки горою на оленях и на собаках 4 месяца, и отдал те указные памяти Василью Колесову

в целости. И идучи де они на Камчатку, не дошед до Камчатки, против Караги, от Брусеной, видели значится остров, и сказывал де ему Иван Голыгин, что он на том острове в байдарах был, и иноземцы де на том острове есть, и много ль иноземцов, того де он Иван ему Алексею не сказал. А грести де в байдарах до того острова от устья Караги реки с утра до вечера».

Это дает нам основание предполагать, что в 1704 году именно Иван Васильевич Голыгин был еще жив и тогда, действительно, именно он, а не Иван Осипович, является первооткрывателем Карагинского острова.

И еще один интересный документ Якутской приказной избы (опись 3, часть 4) за 1683–1684 гг.: «Допросные речи казаков Фед. Храпова и полуказака Василия Дмитриева об исчезновении Ив. Голыгина, ушедшего с промышленными людьми в поход на коряков» (д. 2293, л. 161).

Не этот ли документ послужил основанием для легенды, рассказанной Степаном Крашенинниковым?

Но, главное в другом, — этот документ подтверждает, что именно в 1683 году Иван Васильевич Голыгин вместе с промышленными людьми, действительно, совершает свой первый поход в «корякские» земли, потерявшись было, а потом благополучно из него возвратившись...

Морошка, gadgetnews.net

ЛУКА МОРОСКА

На северо-западном побережье Камчатки есть река со странным русским названием — Морошечная. Странным это название является по одной простой причине — после морошечной тундры Корякии, где ягода морошка покрывает тундру сплошным покровом и в пору созревания морошки эта тундра становится желтой, странным выглядит тот факт, что на реке Морошечной русские казаки отдали дань этой ягоде, чтобы так назвать реку.

Да и какое им было дело до какой-то там ягоды (при всем ее изобилии), когда их занимало здесь единственное — пушнина. Получение пушнины в государев ясак, а также пушнина для личного обогащения.

И плевать хотели они на какую-то там ягоду...

Ответ (правда, косвенный) на этот вопрос мы находим у С.П. Крашенинникова: «...анадырской служивой Морозко Старицын, будучи в походе противу коряк, а доходил он только до впадающей в Пенжинское море Морошечной реки...».

И тогда становится понятной, что река, до которой дошел уроженец Великого Устюга Лука Семенов сын Старицын Мороска (Морозка), стала уже географическим ориентиром для последующих землепроходцев.

И, вполне вероятно, что такая же точно закономерность лежит и в основе названия реки Гольгиной — как некой конечной точки маршрута.

Позже и камчатский приказчик Иван Козыревский назвал по этой же причине в честь своего отца-первопроходца реку Коль, который первым начал собирать ясак в здешних местах, рекой Козыревкой.

По поводу походов Луки Мороски в исторической литературе ведется очень много споров. Особенно, между историками-однокурсниками Б.П. Полевым и М.И. Беловым.

Но этот их спор приносил и блестящие исторические открытия. В результате их поиска новых аргументов и фактов для своих доказательств нам сегодня известны хоть какие-то исторические сведения о нашем герое, обнаруженные спустя... 300 лет после его похода:

«По окладным книгам Якутского острога видно, что Лука Семенов Мороско начал свою государеву службу 4 августа 1678 г. в качестве “холостого казака”. Уже три года спустя он был обвинен в Якутске в том, что при воеводе Приклонском был “в бунту и одиначестве”. За это он впервые был выслан на Анадырь, где также вел себя дерзко, “не бояся Бога и не помня крестного целования”, жил “бестрашно”.

После возвращения в Якутск он был вскоре, в 1688 г., послан на службу в верхо-

вья Алдана и оттуда ходил “на покати”, то есть к Становому хребту и даже к верховьям реки Зеи. Во время этого похода он открыл месторождение слюды-мусковита. Позже ему приказали вторично “побывать около слюды”. Но этот второй поход оказался малоудачным.

<...>11 июня 1691 г. Мороско еще находился в Якутске. Несколько позже он вместе с Григорием Пушиным и Иваном Осиповым Гольгиным был послан на Индигирку. Во время перехода на верховья Индигирки они попали в засаду, устроенную эвенами-ламутами. Григорий Пущин был убит, а Мороско и Гольгин добрались до индигирского Зашиверского острога уже в “200 г.”, то есть в год, который начался с 1 сентября 1691 г. В Санкт-Петербурге была найдена подлинная челобитная, которая начиналась со слов: “Казак Лучка Семенов челом бьет, в нынешнем в 200 году послан был с Индигирки реки казак Максимко Струков в Анадырское зимовье за Нос с отписками, и он, Максимко, судом божьим на дороге занемочью остался и те переводные отписки отдал мне, Лучке, на тринадцать лисиц”. 16 марта 1692 г. Лука Семенов Мороско прибыл на Анадырь и по распоряжению Афанасия Пущина явился к анадырскому приказному Семену Чернышевскому».

А далее снова исторический разнобой. Вот, что пишет, например, А.С. Зувев:

«Вероятно, в том же (1693. — С.В.) году из Анадырска в корякскую землю отправился отряд Луки Семеновича Старицына, известного более как Морозко. Сохранился пересказ в грамоте Сибирского приказа от 9 января 1711 г. челобитной участника похода Ивана Енисейского. Согласно ей, отряд Морозко вышел из Анадырска в бытность там приказчиком М. Много-

грешного. Последний был приказчиком с 1693 по 1696 г. Из похода сам Енисейский вернулся через три года, но до того момента как приказчиком в Анадырске стал В. Атласов, т. е. в 1695 или в начале 1696 г. Соответственно получается, что в поход отряд Морозко отправился в 1693 г. В его отряде было 14 чел. Согласно челобитной Енисейского, казаки вышли в северные районы Камчатки, провели там немирных коряков и “билися с ними, не щадя голов своих, и разбили 7 острогов”, “из-за того бою” взяли трех аманатов, “далилицу чернобурую и пластину соболью, да... ясак собрали два сорока соболей”, “а иных коряк в наш великого государя ясак объясачили”. Кроме того, Енисейский, отправленный Морозко к немирным оленным корякам, призвал миром в ясачный платеж князца Иктеня с родниками и взял с них ясак. М.И. Белов, проанализировав ряд документов, пришел к выводу, что сам Морозко, отправившись в поход в 1693 г., вернулся из него в 1694 г. (в походе участвовал и И. Голыгин). На Камчатке Морозко дошел до р. Морошечной. Обратим внимание на тот факт, что в исследовательской литературе поход Морозко 1693–1694 гг. очень часто датируют 1696 г., объединяя в один два разных похода: 1693–1694 и 1696 г».

Так может быть, это и есть два совершенно разных похода, совершенных и разными людьми?

Ведь Лука Мороска не только дошел до реки Морошечной. Это его след на северо-западе Камчатки. Но имеются сообщения и о других его географических «следах». Более того, его сведения о Камчатке и его коренных жителях считаются среди исторических документов наипервейшими.

Вот тот самый документ, который полностью цитирует Б.П. Полевой в своей книге «Новое о Камчатке...»:

«7... году месяца Якуцкого города и присутствия Якуцкого же в дальнем расстоянии на реке Анадыре, завомое “за Носом”, из острогу Анадырского пошли устужане, промышленные русские люди, иных разных городов пятнадцать человек, в них же бе первенствеши человек именем Лука... сын прозванием Старицын, по нем вторы человек... сын Голыгин, родом устужане, а по Якуцкому городу служивые люди посланцы были из Якуцка в Анадырский острог ради ясашного збору, и тамо има дошедшема и пребыста время немалое ради ясашного збору с ламуцких и з юкагирских иноземцов.

И оттоле нача промышляти, камо бы им проведати место и людей незнанных прежде бо сего намерения слух им носился чрез

юкагирских иноземцов про камчацких людей и от того слуху паде им намерение тамо иттить. И присовокупив к себе 57 человек и поидоста там ради соболиного промыслу чрез хребты и лесные и пустые места в неведомья страны. И в том пути в своем намерени камо им мысль была и путь надлежал в далное расстояние, и тамо находили при реках в пустых местах людей немногое число на промыслу же соболином кочевых не в далном расстоянии от тоих жилищ немногое число в разных неближних местах тунгуские породы. И с ними те промышленные люди торговали и меняли на свои хлебные припасы иноземские товары соболи и лисицы малое число, рублей по пяти и по шести на человека. А иные не торговали. И в том

познании и в сходстве и в поговорках, зговоряся промеж собой, почали спрашивать у тех иноземцов: “Вы откуда и где ваши жилища?” Отповедаша нам: “Мы живем здесь не в далнем расстоянии”. И пригласиша нас до своих жилищ. Мы же к ним идаху и обитаху у них дни некий и на иные дни идущим в другие жилища. По сих же достиже и тое их жилищ от единого жилища до другого ходу дни по два и по три и по единому у сих пребыша дни некий более. Прочие места далного ради расстояния ходити не смеяхом за малолюдством не взохотеща с нами же бе и прежные их два человека взяша с собою ради верности. Они же обещаху хранить нас. Нам же живущим у них вопросиша их: “Кто владеет вами?” Они же рекоша нам:

“Мы живем сами собою и никто нами не владеет”. Наши же еще вопросиша их: “Вас в здешнем месте много ли живет?” Они же отведаша нам: “Много есть людей, но далече”. Наши же люди даша им дары хлебными припасы — фунта по два и по три и по пяти фунтов на человека ради признания. И то немногим, кои у них обретаются по начальнише. А иным даваху котлы медные содружества ради, прочим же топоры, овым же ножи, иным же иное и тако их почтиша. Они же, иноземцы, нас вопросиша: “Вы откуда и где живете?” Мы же с(к)азаша им подробну все о себе. Они же нам глаголят: “И

Корякское жилище

вы напредки будете ли к нам приходить?” Мы же сказахом им: “Будем к вам приходить напредки”. Наши же еще вопросиша их: “Бывают ли к Вам какие люди?” Они же отведаша нам: “Бывают и приходят к нам и мы к ним ходим же”. Наши же еще вопросиша их: “Где те люди живут?” Они же глаголят: “Далече”. “И много ли их?” Они же скажаша: “Множество”. Мы же паки вопросиша их: “Каковы тамо люди возрасты и собою?” Отпедаша: “Всякими возрасты велицы и малии”. Еще вопросиша: “И кто ими владеет и есть ли у них большие над ними и есть ли у них грады или иное что и вси ли во едином месте живут?” И отведаша: “Больших над собою имеют многих, всякой во своем остроге”. Мы же вопросиша: “Много ли имеют у себя острогов?” Отпедаша: “Много”. “И в каковых местах стоят те остроги?” И скажаша нам: “Те остроги стоят при реках и при мори”. Мы же вопросиша у них: “Не бывает ли промеж ими драки или войны?” Они же отведаша нам: “Бывает между собою, у них которой острог с острогом вблизиности стоит, воуются”. Мы же вопросиша: “Какое у них оружие и чем бьются?” Отпедаша: “И з луков, стрелы вместо железа каменные”.

Железо у них не родится и руду плавить не умеют. А железо, кое мы привозим, то и покупают чрез иные иноземцы, как прежде

*Korvaks.
Les Korvaks.*

Коряки, гравюра с рисунка Емельяна Корнеева из книги «Народы России, или Описание обычаев, нравов и костюмов разных народов империи»

к нам и в прочие остроги бывали прежде тех камчатских людей многими годами, когда наши ходили на Ламу и Колому. И с тех времен чрез тех иноземцов то железо к ним доходило, и с того железа делали копья и теми копьями воюются. Еще у них бывают бои, когда единыя ко другим ко острогу приступаху, и тогда из острогу сверху составых концов лес бросяху и бревна спущаху и тако бьющиеся и людей убиваху. И еще из ремней камением бросяхуся по писаному, ис пращи промеж собою далече велми досязаху и тако убивахуся.

А остроги имеют пространны. Того ради промеж собою, когда брань творят, тогда скот свой — елени, в остроги заставаху и в то время у себя держаху. Донележе брань престанет, тогда же елени из острогу ропущаху. А в тех своих войнах и в плене бираху человеки между собою и на выкуп отдаваху. А жилища у себя имеют в тех острогах зимою в земле,

а летом имеют над теми ж зимними юртами наверху на столбах, подобны лабазам, ту жевяху. А промеж теми острогами от острогу до острогу ходу дни по два и по три и по пяти и 6 дней. Овые же иноземцы оелеными нарицахуся, у коих елени есть, тако и словуши. А у которых елений нет, те называются иноземцы сидячи, тако и словуши, потому что елений не имеют и ездить не на чем. Оленних же честнейши в своем намерении почитахуся, другим зазираху и укоряху между собою, кои елений не имеют. И еще у них вопросиша: “Что у себя животы имею ли, какие и что у них родится?” Отвечаша же: “Елений имеют множество, на них ездят”. “Еще что у них бывает?” Отповедаша: “Соболи, лисицы и иные звери бывают”.

А про иное мы не знаем, что есть у них или нет. Нам же возвращающимся восвоися по времени же достигаша и дошедши во свой острог в Анадырь и ту пребыща до времени. В другие же год паки к ним приидаша двадесять человек и начаша жити с ними и к ним приходити в жилище их и почали с ними торговати и мелушными товаренцами менять, у кого какие прилучилися. А иные наши рыбы, зверей по рекам хождяху промышляти не в далном расстоянии от зимовья нашего, человека по два и по 3 и по 5 человек, а инии же по улусам их також хождяху своих ради потреб и ради проведения

и подсмотрения чтобы у них познати, какovy у них нравы и какое в них состояние обретается».

У Степана Петровича Крашенинникова есть фраза об этом походе, которая звучит несколько двусмысленно. Судите сами: «В 7204 году послан от него (Атласова. — С.В.) был к апутским (апукским. — С.В.) корякам Лука Морозко в 16 человеках, за ясачным сбором, который по возвращении своем объявил, что он не только был у оных коряков, но и до Камчатки не доходил токмо за 4 дня, и в том походе взял он камчатский острожек, а на погроме получил неведомо какие письма, которые объявил Атласову».

7204 год — это 1696 год. Атласов не посылал Мороску, так как Лука Семенович в этот самый год уже возвращался из своего похода. Посылал Мороску в тот поход анадырский приказчик Михаил Зиновьевич Многогрешный, как сообщает историк А.С. Зуев.

Но не это главное — как понять «но и до Камчатки он не доходил токмо за 4 дня» и тут же, в этом предложении, через запятую: «и в том походе взял он камчатский острожек». А в другом месте сообщает, что Мороска доходил до реки Морошечной.

По всей видимости под «Камчаткой» С.П. Крашенинников подразумевал реку Камчатку. И тогда двусмысленность исчезает. Мороска был на Камчатке, погромил

камчатский острожек, дошел на западном побережье до реки Морошечной, а далее двинулся не по западу (о котором, по всей видимости, уже знал от Голыгина, что те места не особо богаты пушниной) и отправился в центральную часть полуострова в бассейн рек Тигиль и Еловки, где промысел на соболей и лисиц был достаточно успешным — ведь этот его поход носил сугубо промысловый и коммерческий характер.

А теперь задумаемся вот над каким событием.

Владимир Атласов был отправлен в Якутск в 1694 году. То есть за два года до похода Луки Старицына Мороски.

Мороска вернулся из своего похода в 1696 году.

Вопрос: из каких источников получил Владимир Владимирович Атласов сообщения о Камчатке и камчадалах, о которых он доложил якутскому воеводе Гагарину?

И вполне вероятно, что именно тот факт, что Атласов получил сведения о Камчатке (а главное о путях в Камчатку) до похода Мороски и позволило анадырскому приказчику Атласову идти в поход самостоятельно.

Анадырский приказ он оставляет на казака Ивана Васильевича Голыгина.

А из отряда Луки Мороски берет в свой отряд только проводника — толмача Ивана Енисейского.

Но... «вскоре пришедший на Анадырь новый приказной Постников попытался силой вернуть Атласова из похода. Тогда-то и был послан Мороско, который и остался служить вместе с Атласовым. По его поручению Лука ходил на Опуку, а потом на Тигиль и там в урочище Кохча был вероломно убит коряками».

Подробности о месте гибели Мороски мы находим у С.П. Крашенинникова — это бассейн реки Тигиль: «...урочище, называемое Кохча, где бывал прежде сего знатный корякский острожек того имени, который погромлен и разорен до основания камчатским приказчиком Кобелевым, за то, что жители одного убили казака Луку Морозку во время первого Атласова похода на Камчатку».

В 3 верстах от реченного урочища есть на Камчатке щeki, которые версты на две продолжают. При начале их текут в Тигиль речки Алихон и Бужугутуган, первая с северной, а другая с южной стороны.

От щек, следуя к устью Тигиля реки, есть еще четыре корякских острожка. 1) Шипин, старый острожек, до которого от щек верст с 10; 2) Мыллаган, от первого в 3 верстах; 3) КенгелаУтинкем, от Мыллагана в 40 верстах; а 4) Калауч, от КенгелаУтинкем в 3 верстах».

На месте Шипина острожка была построена в 1747 году Шипинская (Тигильская) крепость.

KORIAKS SÉDENTAIRES.
ОСЕДЛЫЕ КОРЯКИ.

KORIAKS NOMADES.
ОЛЕННЫЕ КОРЯКИ.

Иллюстрация из альбома «Этнографическое описание народов России»
("Description ethnographique des peuples de la Russie")

Современное село Тигиль, viktorstepanov.ru

О том, что Лука Мороска погиб именно в этом районе и погиб совершенно не случайно, есть и некоторые подробности у С.П. Крашенинникова:

«Той зимы (то есть в период последней зимовки отряда Атласова на реке Ича. — С.В.) Морозко Старицын отпросился с двумя иными служивыми на Тигил для свидания с друзьями, от которых друзей они и убиты».

То есть в предыдущем своем походе Мороска, действительно, побывал в здешних местах и даже обзавелся «друзьями».

И вот, что пишет А.С. Зувев об этом походе:

«Л. Морозко в конце 1695 или в начале 1696 г. отправился во второй поход на Камчатку (среди участников этого похода называют также И. Голыгина и И. Енисейского). Приказчик Анадырского острога М. Многогрешный дал Морозко задание объяснить коряков на р. Апуке. Численность отряда определяется в литературе по-разному: 16 казаков; 11 казаков, 7 промышленных людей и 40 чуванских и ходынских юкагиров; 13 русских и 40 иноземцев.

Из Анадырска отряд вышел на Пенжинку, затем двинулся далее на юг вдоль Пенжинского залива. Потом повернул на северо-восток, пересек хребет и вышел в район р. Апуки, где заложил зимовье, в котором оставил небольшую группу казаков, промышленников и несколько юкагиров во гла-

ве с Михаилом Ворыпаевым. С Апуки Морозко двинулся вновь на Пенжинский берег к р. Тигиль. По дороге, как сообщали в челобитной участники похода, взяли «с оленных опуцких коряк и с олюторов и с камчатских первых людей пластину чернубурую лисию, да двадцать осемь соболей красных, да шесть лисиц сиводушных, да на погроме взяли с олюторов лисицу черную». Где-то на Пенжинском берегу (возможно, на р. Иче) отряд взял штурмом «камчатский острожек» (кому он принадлежал, непонятно: то ли корякам, то ли ительменам). Не дойдя одного (а не четырех! — С.В.) дня пути до р. Камчатки (то есть, если верить этим данным, а не Крашенинникову, то Лука Старицын был практически в двух-трех десятках километров от реки Камчатка. — С.В.), Морозко повернул назад. В Анадырский острог казаки привезли двух ясачных князцов «коряк Эвонту и Инону» и «неведомо какие письма», взятые у «камчадалов» (возможно, письма с разбившихся японских судов)».

Историкам еще предстоит разобраться в хронологии тех первых походов на Камчатку. Но река Морошечная на веки вечные сохранит память об имени одного из первых землепроходцев, пришедших на камчатскую землю, — имя уроженца Великого Устюга Луки Семенова сына Старицына Морос(з)ки.

ВЛАДИМИР АТЛАСОВ

1

Фигура Владимира Владимировича Атласова в исторической литературе весьма противоречивая и, нужно это признать, довольно слабо изученная, хотя о нем написаны сотни, если не тысячи, книг и существуют миллионы различных упоминаний в художественной литературе, а тем более в Интернете.

Но, тем не менее, личность «камчатского Ермака» исследована весьма поверхностно и довольно трафаретно — или только все в плюсах, или только в минусах.

А это был живой человек, с непростым характером, оказавшийся в чрезвычайно сложных жизненных обстоятельствах...

Но по порядку.

Владимир Владимирович не был уроженцем Якутии. Он прибыл сюда вместе с двумя братьями уже в зрелом возрасте и был верстан 9 июля 1682 года в казаки в «женатый оклад» — то есть прибыл в Якутию вместе с женой Степанидой.

Якутским казаком в течение тридцати лет (с 1651 года) был его отец Владимир Тимофеевич Отлас. Свое прозвище Владимир Тимофеевич (обычно именовали в Сибири людей по месту, откуда он сюда прибыл — а прибыл Отлас с Усолья) получил вовсе даже

не по атласной рубаше, которая в Сибири была не в редкость, а совершенно по другой причине.

Давайте заглянем в книгу Галины Александровны Леонтьевой «Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки»:

«Откуда у отца землепроходца могло появиться прозвище “Отлас”? ...На Русском Севере, в Поморье, Пермской земле, Предуралье “отласами” называли покрытый особым составом (жиром, воском) грубый холст, который использовался для пошива непромокаемой одежды (портов, епанчей, рукавиц), необходимых рыбакам для выхода в море».

Прозвище, которое давали в Сибири, как правило, становилось родовым именем — фамилией. Так Ерофей Павлович Святитский, для которого прибыток, барыш, удача, взятка были смыслом его жизни, получил новую фамилию — Хабаров. А томский казак со вздорным (поганым) характером, потомки которого впоследствии писались Мухоплевыми, на самом деле имел прозвище Мухосран, но, выбившись в большие люди, его потомки — с ведома общества — внесли поправки в свое родовое прозвище, но не могли исправить это прозвище в корне.

Владимир Отлас был очень даже не простым человеком, что и нашло отражение в

его прозвище — скользкий, «непромокаемый», хватистый.

Приведу только один пример. Поездка в Москву -- в составе ясачного конвоя или с важными государственными бумагами — считалась наградой за открытие новых земель и пополнение государевой казны.

Владимир Отлас не прославился ни тем, ни другим, а в Москве был самым частым из всех якутских казаков гостем (по данным Г.А. Леонтьевой в 1658–1660, 1661–1663, 1668–1669, 1671–1673, 1677–1678 годах).

Ответ может быть только один — он был посредником в торговых операциях с пушниной, которая доставлялась в столицу вместе с ясаком, представляя интересы верхушки той якутской власти, которая правила в воеводстве, невзирая на все двух-трех-четырёхгодичные смены власти воевод. Кстати, мало кто из якутских воевод того времени добирался до Руси живым...

Готовил ли Отлас себе замену?

Конечно, ведь в Усолье (до сих пор не уточнено — был ли Владимир Тимофеев из Усолья Камского или Вычегодского) подрастали трое его сыновей, которых он, по всей видимости, лично привез в Якутск в свою последнюю московскую поездку.

Но что-то не сложилось.

Хотя обратим внимание на очень важный факт — в первую свою командировку

в 1682 году (в год смерти отца) Владимир Владимирович Атласов, сын Отласа, отправился вторым официальным лицом и впоследствии именно ему (самому молодому и неопытному!) было поручено сопровождать ясак в Якутск.

На этом мы остановимся. И попросим Б.П. Полевого уточнить причину такого «карьерного взлета» молодого Атласова:

«...знание грамоты Владимиру Атласову очень пригодилось. Он стал подьячим, ибо имел весьма неплохой почерк. Уже в январе 1683 г. Атласов вернулся в Якутск с алданским ясаком и новыми известиями об обнаружении на верхнем Алдане слюды. В феврале 1683 г. Владимир был лично допрошен якутским воеводой И.В. Приклонским. Одновременно молодой Атласов доложил воеводе о некоторых нарушениях порядка сбора ясака на реке Учур. В частности, по поручению учурского приказного казачьего пятидесятника Ивана Жиркова, он «известил» воеводу о том, что учурские звенки жалуются на различные злоупотребления сборщика ясака Ивана Усакина (Ивана Фомича Усанина. — С.В.)».

Иван Фомич вышел «сухим из воды». Но, думаю, ни он, ни старожилы Якутска не простили молодому Атласову этого доноса. Хотя, подчеркнем это, Атласов действовал по приказу своего командира — пятидесят-

ника Ивана Жиркова и защищал государственные интересы.

«В августе 1684 г. Владимир Атласов снова в качестве “подьячего” был послан на “двухгоднюю службу” с казачьим пятидесятником Андреем Амосовым на далекую реку Уду». Б.П. Полеву удалось найти документ, который раскрывает, каким образом Атласову удалось избежать той дальней и долгой командировки, он отыскал «...челобитную Василия Протасова, в которой он просил “вместо его, Володьки, служить ваших великих государей служба два годы с пятидесятником казачьим с Ондреем Омосовым, а ему, Володьке итти с отписками в Якуцкий острог”».

В 1686 году у Владимира Владимировича в Якутске родился сын Иван.

И далее исследователи снова отмечают некую привилегированную роль Атласова в Якутске. Судите сами:

«В августе 1687 г. Владимира Атласова снова отправили на Уду с отрядом казаков, во главе которых стоял Иван Крыженовский (Крыжановский. — С.В.). Как бывалый человек Атласов смог быстро довести новый отряд до места. Однако и на этот раз он пробыл на Уде только одну зиму и вернулся в Якутск к своей семье. Именно в этот период он добился выделения ему в Якутске отдельного двора и огорода. До этого он жил

вместе с братьями Иваном и Григорием на одном отцовском подворье».

И добился ни какого-то там двора на отшибе — а получил земли, принадлежащие некогда известному якутскому казаку десятнику Сергею Брусенкину (Брусенину), в недавнем — приказчику на Колыме. А участвует в этом землеотводе казак... Лука Старицын Мороска, который вместе с Иваном Васильевичем Голыгиным, спустя десять лет, проторили Атласову дорогу в Камчатку.

И далее.

«Новый воевода Якутска Петр Зиновьев наделил Владимира Атласова в 1687 г. особыми полномочиями: вести суровую борьбу с самогонщиками и также с неплательщиками ясака. Молодой казак рьяно принялся выполнять возложенные на него поручения. Воеводе посыпались жалобы на то, что Владимир Атласов слишком лихо разбивал посуду у самогонщиков. Сын боярский В.А. Петриловский даже завел против него дело, однако оно было вскоре прекращено».

То есть снова молодой и задорный Атласов использован (подчеркиваем — в государственных целях!) в конфликте со старожилками Якутска. Петриловский, кто не знает, — внучатый племянник самого Ерофея Павловича Хабарова.

Но это еще не все. Помимо борьбы с самогонщиками, Владимир Владимирович

столь же азартно принялся выбивать долги из «неплательщиков ясака» — то есть, из тех, кто, опять же, позволил себе неуплату государственных налоговых сборов.

И вот, что из этого вышло:

«Иначе обстояло дело со сбором недоимок. Тут Атласов и его помощники явно перестарались. Они силой забирали меха у якутов. Порою прибегали к рукоприкладству. С рек Амги и Татты к воеводе П.П. Зиновьеву стали поступать жалобы на поведение Атласова. Воеводе пришлось завести против него специальное дело. В “описи Якутской архивы 1703 г.” оно названо так: “Столп, в нем дело казака Мишки Гребеньщика да Володьки Отласова, что они ездили в волости, воровали ясачных людей, разоряли, грабили и обиды и налоги им чинили”. В 1930-х годах в Ленинграде были найдены и опубликованы листы этого дела. В них содержались показания многочисленных свидетелей из якутов. Многие из них жаловались на рукоприкладство Владимира Атласова, но признавали, что действовал он так не ради личного обога-

щения, а ради покрытия недоимок в сборе ясака. По решению якутского воеводы Атласов был публично порот “на козле”» (Б.П. Полевой).

И не просто порот — совершенно не случайно следующее его назначение на службу было в Анадырский острог, куда уже был до него сослан Лука Старицын Мороска, который жил и действовал «бесстрашно».

В 1692 году Владимир Атласов участвует в походе на восточных чукчей.

Конный казак, худ. Н.Н. Каразин

Что там случилось на самом деле, мы не знаем. Но вот конечный результат:

«Во время этого похода к восточным чукчам резко обострились отношения между Владимиром Атласовым и Семеном Чернышевским. Атласов открыто выступал против многих действий анадырского приказного. Оскорбленный С. Чернышевский доносил в Якутск, что Атласов перед народом его «срамил всякою неподобною бранью, матерной и ротовой, и вором и плутом называл». ...

Чернышевский хотел учинить над Атласовым расправу, но не смог: Атласов «в руки не дался» и даже обвинил приказного в государственной измене. Когда Атласова силой привели в Анадырский острог на допрос, он просил простить его за горячий нрав: «виноват де он, Волотька... дела де он... на сына боярского на Семена Чернышевского не знает, а сказывал де он то великих государей дело напрасно, боясь батогов» (Б.П. Полевой).

Подведение сибирских инородцев под высокую Царскую руку. Целование атамановой сабли как знак покорности и верности. 1640-е, худ. Н.Н. Каразин

То есть снова, в какой уже раз, на первый план выступает государственное значение, государственный смысл, как основная мотивация поступков и действий (в том числе наказуемых батогами и ссылкой) Владимира Атласова.

А вот теперь давайте вспомним, что о посещении бассейна реки Камчатка в Якутске было известно уже в 1660-х годах.

Затем последовали многочисленные походы Ивана Васильевича Голыгина, Луки Семеновича Старицына Мороски, но... Камчатка не стала в результате этих походов частью Российской империи. Она даже не стала официальным присудом Анадырского острога, сбор ясака в котором с чукчей и коряков был в тот период самым... мизерным. А в это же самое время, когда по всему Якутскому воеводству шел недобор пушнины, промысел соболей и лисиц на полуострове промышленными людьми шел уже полным ходом — только в составе экспедиции Луки Старицына (который не дошел «одного дня пути» до реки Камчатки) участвовало около шестидесяти промышленников.

По всей видимости, существовал корпоративный сговор. Сговор верхушки якутской казачьей власти с промышленниками и торговцами пушнины о контрабанде камчатской пушнины. Другого объяснения я просто не нахожу. Скрытие крупнейшего

на тот период времени промыслового района Якутского воеводства, которое не справлялось с «плановыми заданиями», было государственным преступлением. А то, что о Камчатке в Якутске знали все, красноречиво говорит так называемое «Камчатское дело» 1690 года, согласно которому (пусть это и было воеводской фальсификацией) бунтовщики, якобы, разгромив Якутск и уничтожив его начальство, собирались бежать на Камчатку.

И только Владимир Атласов взял (или возложил) на себя миссию присоединения Камчатки к землям Российского владения.

И когда он начал этот свой поход на Камчатку, руководствуясь наказом якутского воеводы Гагарина, очередной анадырский приказчик сын боярский Григорий Постников послал: «за ним, Володимиром, в погоню, чтоб он, Володимир, в таком дальнем расстоянии и своей дуростью не потерял служилых людей и иноземцев». Конечно, причина на самом деле была иной — Постников должен было любой ценой остановить Атласова.

Вы не находите странным такое поведение анадырского приказчика — ведь Луку Старицына с Иваном Голыгиным прежде в здешние края было посылать не страшно, и никто их назад не возвращал из дальних походов, наоборот...

И никто из этих дальних походов не привез первые (столь подробные и бесценные по своей сути) сообщения о Земле Камчатке.

«А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, породю особая, походит одна на семгу, и летом красна, а величиною больши семги, а иноземцы ее называют овечиною. И иных рыб много — 7 родов розных, а на русские рыбы не походит. И идет той рыбы из моря по тем рекам гораздо много и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводях. И для той рыбы держится но тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры.

А ходили они по той Камчатской земле летом и зимою на оленях, и зимою тех оленей впрягают в нарты, а летом на оленях ездят верхом с седлами, а седла бывают деревянные.

А зима в Камчатской земле тепла против московского, а снега бывают небольшие, а в Курильских иноземцах снег бывает меньше. А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго против Якуцкого блиско вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает.

А в Курильской земле зимою у моря птиц — уток и чаек много, а по ржавцам лебедей многож, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а остаетца их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы большие и молния бывает почасту. И чаёт он, что та земля гораздо подалась на полдень.

А в Камчатской и в Курильской земле ягоды — брусница, черемха, жимолость — величиною меньше изюму и сладка против изюму. Да ягоды ж растут на траве от

земли в четверь, а величиною та ягода немного меньше курячьих яйца, видом созревая зелена, а вкусом что малина, а семена в ней маленькие что в малине. А на деревьях никакова овоща не видал.

А есть трава — иноземцы называют агататка, вышиною растет в колесо, прутиком, и иноземцы тое траву рвут и кожуру счищают, а средину (т. е. сердцевину) переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, и как высухнет — будет бела, и тое траву едят — вкусом сладка, а как тое траву изомнет — и станет бела и сладка что сахар.

А деревья растут — кедры малые, величиною против можжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, лиственничнику, ельнику на Камчатдальской стороне много, а на Пенжинской стороне по рекам березник да осинник.

А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их де братья шеманы — вышеманят о чем им надобно: бьют в бубен и кричат.

А одежду и обувь носят (коряки) оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу и всякого зверя и нерпу. А юрты у них олени и рондужные.

А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам.

А за теми люторцы живут по рекам камчадалы — возрастом невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. Одежду носят соболью и лисью и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимные земляные, а летные на столбах, вышиною от земли сажени по три, намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в

Юкольник, Andrey Sharpan / Global Look Press

те юрты по лесницам. И юрты от юрт поблиску, а в одном месте юрт ста по 2 и по 3 и по 4.

А питаются (камчадалы) рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею, и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменья кладут в тое колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадной дух, что рускому человеку по нужде терпеть мочно.

А посуду деревянную и глиненные горшки делают те камчадалы сами, а иная посуда у них есть левкашенная и олифляная, а сказывают оне, что идет к ним с острова, а под которым государством тот остров — того не ведают.

А веры никакой нет, только оне шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги.

А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные коряки

И с теми камчадалы всякую речь, о чем руским людем доведетца говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у руских людей. А он Володимер по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает.

А за камчадалыцами вдаль живут Курильские иноземцы — видом против камчадалыцов чернее и бороды меньше. А в той курильской земле против Камчадальской теплее. А одежду носят такую ж что и камчадалыцы, только камчадалыцов оне скуднее. А соболи у них есть, только плохи, для того что место стало быть тепное. А бобров больших и лисиц красных много.

А вдаль за теми курильскими иноземцами какие люди есть и далека ль та земля — неведомо.

А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора — подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близь ее ж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины той горы, и там слышат великой шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди всходили — назад не вышли, а что тем людям на горе учинилось — не ведают.

А из-под тех гор вышла река ключевая — в ней вода зелена, а в той воде как бросят копейку — видеть в глубину сажени на три.

А вышеписанные иноземцы державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богаче — того больше и почитают. И род на род войною ходят и дерутся. А летом те все иноземцы мужеского полу ходят наги. А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы. А наперед сего дани с тех иноземцев никуда не имано.

А жен имеют всяк по своей мочи — по одной и по 2 и по 3 и по 4. А скота никакова у них нет, только одне собаки, величиною против здешних, только мохнаты гораздо — шерсть на них длиною в четверть аршина. А соболей промышляют кулемами у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на дереве стреляют.

А воюются те иноземцы меж собою род с родом. А огненного ружья гораздо боятся и называют русских людей огненными людьми. А бои с рускими людьми у них были только до тех мест как сойдутся с рускими, и против огненного ружья стоять не могут и бегут назад. А на бои выходят зимою камчадалы на лыжах, а коряки оленные на нартах: один правит, а другой из лука стреляет. А летом на бои выходят пешком, наги, а иные и в одежде.

А товары к ним надобны: одекуй лазоревой, ножи. А у них против того брать соболи, лисицы, бобры большие, выдры.

А на море около люторов зимою лед ходит, а все море не мерзнет. А против Камчатки (реки) на море лед бывает ли — не ведают. А летом на том море льду ничего не бывает.

А по Камчатке реке к морю посылал он Володимер казак для проведыванья иноземцев, и тот казак по Камчатке до моря ходил и сказывал, что он видел по Камчатке камчадалских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимней юрте, а в иных острогах в 2 юртах живет людей человек по 200 и по 150. А летние юрты около острогов на столбах — у всякого человека своя юрта. А до русских людей острогов у них было меньше, а при русских людех острожков наставили больше для

опасения, и из тех острожков бьются — бросают камнем, пращами, и из рук большим камнем с острую мечют, и обостренным кольем и палками бьют. И к тем острожкам русские люди приступают из-за щитов и острог зажигают и станут против ворот, где им (иноземцам) бегать, и в тех воротах многих их иноземцев — противников побивают.

А те острожки сделаны земляные, и к тем русские люди приступают и розрывают землю кольем, а иноземцам на острог взойти — из пищалей не допустят.

А по другую сторону той Камчадалской земли на море зимою льду не бывает, только от Пенжи(ны) реки до Кыгылу на берегах лед бывает небольшой, а от Кыгылу вдаль

ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до устья ходу бывает скорым ходом пешком, до Камчатки реки, через камень, в 3-й и в 4-й день. А Камчаткою на низ плыть в лотке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много.

А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах города каменные и живут люди, а какие — про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов к Курильским иноземцом приходит ценинная посуда и платье даб полосатых и пестрых китаек и лензовые азямы. И сказывали те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают. А на чом с тех островов к курилам приходят — того иноземцы сказать не умеют.

Да иноземцы ж сказывали, что в Камчадальской стороне повыше Камчатки (реки) к Каланской Бобровой реке приходят по вся годы бусы и берут у иноземцов нерпичей и каланской жир а к ним что на бусах привозят ли — неведомо.

А в море бывают киты великие, нерпа, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет — каланы остаются па земле и их копьями колют и по носу палками Бьют, а бежать те каланы не могут потому что ноги у них самые малые, а береги деревянные (sic!.. каменные?..), крепкие.

А Амур река далеко ль — про то он не ведает.

А у Пенжинских иноземцов для морского ходу бывают вместо лодок байдары — сшиты из нерпичей кожи, в длину сажень 6, и поперег сажени $1\frac{1}{2}$, и в середине ставят деревянные распорки и решетки, и в тех байдарах человек по 30 и но 40 на море плавают для нерпичего и жирового

промыслу, а далеко ль на море в тех байдах выходят — про то он не ведает. А у камчадалов бывают лодки, которые поднимают человек по 10 и по 20-ти, а иных судов не видали. А у курилов никаких судов к водному ходу не видал, для того что был зимним временем.

А в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают.

А руды серебряные и иные какие есть ли — того не ведает, и руд никаких не знает.

А полоненик, котораго на бусе морем принесло, каким языком говорит — того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черн. А как увидел у русских людей образ Божий — зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же. А с ними говорил тот полоненик иное поруски, для того что жил он с ним Володимером 2 годы, а иное говорил через толмачь по коряцкому языку, для того что у иноземцов жил он до него Володимера два ж годы. А сказывался индейцом, и золота де у них родится много, и палаты цениные, а у царя де индейского палаты сребряные и вызолочены.

А у Курильских иноземцов взял он Володимер сребряную копейку, весом блиско золотника, а полоненик называл ее индей-

скою копейкою. А соболей и никакова зверя у них не употребляют. А одежду носят тканую, всяких парчей, стежную на бумаге хлопчатой.

И тот полоненик шел с ним Володимером на лыжах от Анандырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пухнуть и заскорбел, и затем поворотил ево назад в Анандырское зимовье, и буде он оздоровеет, то он с русскими людьми в Якутцкой выйдет. А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен.

Да он же Володимер вез с собою камчадальского князца к Москве, для подлинного о той земле уведомления, и тот иноземец говорил поруску, и в Кайгородцком уезде воспою умер».

2

Поход Атласова не был каким-то особенным, чтобы его выделять, как это делают некоторые наши современники, в категорию «разбойных».

Чтобы действовать малыми силами на «незнаемой» земле в окружении «инородцев» — населения, которое враждебно относится ко всем чужим (даже с ближних соседних рек, почему каждое их поселение представляло из себя небольшой острожек — укрепление), нужно было действовать стре-

мительно, напористо, смело, подавляя своей силой и внушая страх.

Таков был один из принципов любого, в том числе и сибирского, завоевания, который

позволил казакам в кратчайшие сроки, пройдя Урал, дойти до берегов Тихого океана.

Давайте посмотрим, что творилось в это же самое время в цивилизных «европах»,

1697 г. Крест Атласова. Худ. Мешков

чтобы сравнить «разбойный» характер Сибирского покорения с «цивильными» европейскими войнами, в том числе и с гражданскими:

«Английская “королева-девственница” Елизавета I отрубила голову не только Марии Стюарт, она казнила еще 89 тысяч своих подданных».

«Жестокость породилась постоянными опустошительными войнами западноевропейских держав уже после Средних веков (которые были еще безжалостнее). Тридцатилетняя война в XVII веке унесла половину населения Германии и то ли 60, то ли 80 процентов — историки спорят — населения ее южной части. Папа Римский даже временно разрешил многоженство, дабы восстановить народное поголовье. Усмирение Кромвелем Ирландии стоило ей $\frac{5}{6}$ населения. От этого удара Ирландия не оправилась уже никогда».

«Крестоносцы в ходе альбигойских войн вырезали больше половины населения Южной Франции. Усмиритель Пруссии, великий магистр ордена крестоносцев Конрад Валенрод, разгневавшись на курляндского епископа, приказал отрубить правые руки всем крестьянам его епископства. И это было исполнено! 16 февраля 1568 года (время разгара опричнины Ивана Грозного) святая инквизиция осудила на смерть всех (!) жителей

Елизавета I, королева Англии и Ирландии с 17 ноября 1558 года, последняя из династии Тюдоров. Дочь короля Англии Генриха VIII Тюдора от брака с Анной Болейн

Нидерландов как еретиков, а испанский король Филипп II приказал привести этот приговор в исполнение. Это не вполне удалось, но королевская армия сделала, что смогла. Только в Харлеме было убито 20 тысяч человек, а всего в Нидерландах — 100 тысяч».

«Число убитых и раненых в войнах Европы в отдельных странах по Питириму Сорокину

Страна	Цифра (в тыс. человек)
Франция	658
Австрия	1560
Великобритания	160
Россия	119
Германия	—
Испания	559
Голандия	290
Италия	17
Польша + Литва	348
Итого	3711

Население Европы на середину XVII столетия по Сорокину составляло 55 млн человек. Количество убитых и раненых на 1000 жителей 45,4 человека».

И вот действия Атласова на Камчатке, которые касались уже не только первого, но и второго принципа Сибирского покорения, — использование «местного ресурса» — межплеменной и межродовой вражды, которая в отдельных случаях (мало освещенной в исторической литературе, приводила к полному уничтожению родов и племен, в том числе

Конрад Валенрод, худ. Ян Матейко, wikimedia.org

и на доатласовской Камчатке, о чем рассказывали Степану Крашенинникову и Георгу Стеллеру сами камчадалы):

«И недошед Камчатки реки наехали неясачных оленых коряк 2 юрты, и ласкою их под царскую руку призывал, и они ясаку великому государю платить не стали и грозили их побить всех. И он де Володимер, поговоря с служилыми людьми, громил их и побил».

«А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки, род с родом почасту. А соболи де и лисицы у них в земле есть много, а в запас не промышляют, потому что они никуда ясаку не плачивали, только что промышляют себе на одежду. А по государскому счастию руским людям они были рады. А ружье у них — луки усовые китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родитца.

И они Камчадальские иноземцы стали ему Володимеру с товарищи говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтоб ему Володимеру с ними на тех иноземцов итти в поход и с ними их смирить чтоб они жили в совете. И он де Володимер с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадальскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. Иплыли три дни и на которые они остроги зва-

Филипп II (21 мая 1527 — 13 сентября 1598) — король Испании из династии Габсбургов

ли — доплыли, и их де камчадалов в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они камчадалы великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де Володимер с служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтоб было им встрах и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались.

А какплыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больши есть. И оттоле пошел он Володимер назад по Камчатке вверх, и которые острожки проплыл — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал и ясаку просил, и они камчадалы ясаку ему не дали, и дать де им нечего, потому что они соболей не промышляли и русских людей не знали, и упрашивались в ясаке до иного году.

И с того места пришли, откуда поплыли по Камчатке и у них де оленные коряки олени их хотели украсть, для того чтоб им Володимеру с товарищи великому государю служить было не на чем. И он де Володимер с служилыми людьми увидя их дорогу и следы, за ними погнались, и сугнав их у Пенжинского моря поставили они с ними служилыми людьми бой, и бились день и ночь,

Иван IV Васильевич, прозванный Грозным, в постриге Иона — великий князь московский и всея Руси с 1533 года, первый царь всея Руси

и Божиею милостию и государевым счастием их коряк человек ста с полтора убили, и олени отбили, и тем питались, а иные коряки разбежались по лесам».

«И оттуды де пошли они вперед и на Кукше и на Кыкше реках оленных коряк сугнали и подзывали их под царскую высокую руку в ясашной платеж, и они коряки учинились непослушны и пошли от них на побег, и он Володимер с товарищи их постигли и они иноземцы стали с ними битца, и Божиею милостию и государевым счастием их коряк многих побили, и дома их и олени взяли, и тем питались, а иные коряки от них убежали.

И оттуды пошед, наехали они Курильских мужиков 6 острогов, а людей в них многое число и их под царскую высокую

руку призывали ж и ясаку просили, и те де курила учинились не послушны: ясаку с себя не дали и учинили с ними бой, и они де Володимер с товарищи из тех острожков один взяли и курилов человек с 50, которые были в остроге и противились — побили всех, а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота нет и в ясак взять нечего. А соболей и лисиц в их земле гораздо много, только они их не промышляют, потому что от них соболи и лисицы никуда нейдут».

И что получается?

Коряки мстили (и, отчасти, справедливо) Атласову за то, что он собрал с них второй ясак, — и компенсировали свою месть тем, что захватывали оленье стадо (возможно, ранее им и принадлежащее), а казаки, есте-

ственно (это их единственное пропитание в период долгой камчатской зимы) вступали с ними в бой.

На Камчатке реке казаки действовали в союзе с верхнекамчатскими камчадалами, при этом Атласов весьма преувеличил вражьи силы и, соответственно, свои победы.

С курильцами, дав им первый бой, в последующие бои даже вступать не стали — «никакого живота (имущества. — С.В.) нет и в ясак взять нечего».

Так с чего это, вдруг, современные отечественные «историки» так ополчились на сибирское казачество и на Владимира Атласова, в частности, приписывая им зверства, прежде «неизвестные» человечеству?!

А выясняется, что сами сибирские казаки и, в частности, тот же Владимир Атласов старательно приписывали себе и своим людям такое количество жертв в боях с «инородцами», какое могло быть «по достоинству» (то есть в рублях!) оценено в московских приказах, потому что за каждого убитого в бою «инородца», а также за убитую боевую лошадь (про оленей не знаю) сибирским казакам полагалась доплата к жалованью — те самые «боевые», которые платят солдатам всех армий мира и по сегодняшний день.

Отсюда и «жар» атласовской фантазии: «А как плыли по Камчатке — по обе сторо-

ны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больши есть».

Может по четыре и даже пять земляных юрт в одном острожке где в каком-то и было, но только без этих надуманных «сотен».

Самым крупным из всех населенных пунктов Камчатки был острожек Кунупочич тойона Начики Машурина — верного союзника русских казаков на протяжении всей истории. Этот острог, как известно, не подвергался нападениям, разрушениям и «зверствам» казаков. То есть на примере этого острога спекулировать историческими небылицами о том, что казаки разрушили, уничтожили и изничтожили сотни острожков (населенных пунктов) камчадалов, не получится.

С.П. Крашенинников сообщал о том, что в Машуринском острожке проживало 84 «ясакоплательщика», из которых 70 были «лисичниками», а 14 «соболяниками».

А вот и описание: «От Горелого острогу в 48 верстах с половиною находится знатной камчатской острожек, по их Кунупочичь, а по русски Машурин называемой, которому в рассуждении многолюдства нет ныне подобного по всей Камчатке. Он стоит на левой стороне Камчатке реки при устье озерного истока Пхлаухчича. Строения в нем девять земляных юрт, 83 балагана и хоро-

мы изрядные, в которых живет тойон с своим родом». Об этом тойоне спустя столетие путешественник Карл фон Дитмар услышит нечто, переворачивающие некоторые исторические представления: «Предком Мерлиных был Божош, знаменитый воин камчадальских легенд, обладавший такой силой, что пущенные им стрелы пробивали деревья; далее, один из Мерлиных победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшего и грабившего всю страну».

Этим легендарным Мерлиным и был тойон Начика Машурин, убивший Голгоча – одного из главных руководителей Харчинского бунта.

Так что Атласов сделал очень верную дипломатическую ставку на самую сильную фигуру Камчатки, которая оставалась верной этому союзу даже в самые тяжелые для Начики Машурина и его родников годы действительного казачьего разбоя, приведшие

В круг, худ. Н.Н. Каразин

к бунту камчадалов в 1731 году, расследованием которого занималась специальная походная розыскная канцелярия под руководством майора Якутского пехотного полка Василия Федоровича Мерлина, крестного отца Начики Машурина.

И, по ходу нашего рассказа, хочу напомнить, что и Горелый острог — это не следствие похода Владимира Атласова и его товарищей. Вот, какие сведения о нем и камчатских доатласовских событиях оставил нам Степан Петрович Крашенинников: «...есть знатное урочище, называемое Горелой острог, потому что там бывало прежде многолюдное камчатское поселение, которое еще до покорения Камчатки сожжено камчадалами по причине случившегося мору»...

3

Взлет и падение Атласова начались не с похода, который обессмертил его имя. Он так и не стал своим в Якутске. Ему и впоследствии не простили этот поход.

Оценил подвиг Атласова лишь новый государственный человек — якутский воевода, в знак высокой награды отправив Атласова с товарищами в Москву доложить об открытии и освоении новой земли Камчатки.

1690-е годы были самыми сложными для Якутского воеводства — сборы ясака резко падали в связи с тем, что северо-востоке

России свирепствовало «оспяное поветрие» да и соболя в здешних местах основательно повыбили. Поэтому открытие соболиной Камчатки было величайшим достижением для якутского воеводы.

Москва, казну которой беспощадно поглощали реформы и войны, затеянные юным царем Петром, прорубавшего за чем-то санктпетербургское балтийское окно, когда давно уже стояли крепкие архангелогородские ворота «в Европу», нуждалась как в деньгах, так и во всем, что приносило России эти деньги.

Сегодня президент России называет Камчатку «бриллиантом», хотя бриллиант — это ограненный руками человека «дикий» алмаз для придания ему дополнительного блеска. К сожалению, не могу согласиться с президентом — Камчатка не может претендовать на роль бриллианта, так как вся ее естественная (и единственная, по сути) красота заключается именно в ее «дикости», «нетронутости», «девственности». Но, тем не менее, оценка президента очень высокая. И мы, жители Камчатки, этому рады.

А теперь представьте себе чувства Владимира Атласова, когда он в столице был признан героем и награжден по-царски и от имени царя. Его произвели в чин казачьего головы — то есть головы над всеми якутскими казаками. Второго, после воеводы, чело-

века в Якутске — столицы всего северо-восточного края России.

Ему было предоставлено право лично набрать в Тобольске, Томске и Енисейске сто казачьих детей из семей казаков-старожилов для своего второго похода на Камчатку и закрепления ее территории за Россией, создавая на Камчатке постоянные казачьи гарнизоны и возводя остроги — крепости.

Ему было предоставлено право приобрести для себя товаров на сто рублей — а это двадцать годовых окладов рядового казака.

Добавим к этому возраст нашего героя — ему только перевалило за сорок лет. То есть, это был самый расцвет сил, когда он стал национальным героем и въезжал в Сибирь совершенно новым человеком, перед которым раскрывались все двери. Конечно, не перед ним — перед царским указом, по которому велено было выполнять все требования Владимира Владимировича. Но Владимир Владимирович принимал всю эту показную почтительность на личный счет и на первых порах вел себя в соответствии со своим высоким рангом и высочайшими полномочиями — в Тобольске он, действительно, отобрал в свой отряд 50 казачат из самых крепких и известных казачьих семей — в том числе, детей атаманов и сынов боярских, воспитанных в священных для традиционного казачества обычаях

и правилах служить Вере, Царю и Отечеству...

А вот далее, углубляясь в сибирскую глушь, и все более и более погружаясь в кураж от своего величия, а, с другой стороны, сталкиваясь все с более и более снисходительным, а то и просто презрительным к себе отношением, которое особо проявилось в Енисейске, где отряд застрял по целому ряду причин, связанных с тем, что местной администрации и местному казачеству не было дела до Атласова и его нужд.

Да, ему выделили согласно царскому указу энное количество казачьих детей для камчатского похода. Но енисейские казаки, в отличие от тобольских, которые несли службу по всей Сибири-матушке и почитали это своим священным долгом, думали по-другому. Они давно уже обзавелись, как и томские казаки, своими хозяйствами, вели торговлю, и не желали отправлять своих сыновей куда-то на погибель, а потому пошли с Атласовым на сговор — подменили своих сыновей на всякий гулящий сброд. Такие подмены практиковались в Сибири. Но на короткий срок. А здесь — практически на «вечное житье».

Почему Атласов пошел на это?

Ответ у меня один — ему за это хорошо заплатили. За каждого из казачьих детей. То есть это уже был не прежний Атласов — ко-

«Неограненная» Камчатка, архив «Витязь-Тревел»

торый ради государственных интересов готов был переступить через якутское старослужащее казачество.

Нет, он был уже другим — и поэтому вступил с казаками в сговор. Он стал одним из них. Кураж величия перерос в гонор величия — и уже царский указ был для него не указ. Он сам теперь уже стал сибирским царьком, для которого не писаны были законы, а вступали в силу бывшие сибирские понятия.

Именно так и объясняют историки последующее поведение казачьего головы Атласова, когда он на Нижней Тунгуске разграбил купеческие дощаники — якобы и прежде так поступали казачьи атаманы в Сибири, когда им нужно было обеспечить свой дальний поход в дальние земли. И это, якобы, прощалось, когда те дальние земли, действительно, прирастали к телу Московского царства.

В истории всякое было. Ерофею Хабарову за Амурский поход простили даже расстрел казаков, которые отказались подчиняться атаману-разбойнику и попытались поступить в соответствии со своим казачьим государственным долгом — строить остроги, собирать ясак, пахать землю...

Но... Хабарову впоследствии было отказано в главном — вновь посетить Амур, где он в тайных схронах прятал награбленное богатство. А это для него было хуже, чем тюрьма для Атласова.

Да, за грабеж на Нижней Тунгуске, Атласов попал в тюрьму.

Но есть маленький нюанс, на который я хотел бы обратить внимание своих читателей.

Вы помните, что одним из тех людей, которых обидел юный Атласов, ведя борьбу с незаконным винокурением,

был Василий Артемович Петриловский, сын боярский. Его папаша Артемий (Артамон) Филиппович, ближайший сподвижник Ерофея Павловича, его родной племянник, был разжалован за амурские разбойные дела из атаманов в пятидесятники и сослан вместе с Ерофеем Павловичем охранять верхнеленские пашни.

Так вот в городе Киренске, где атласовская ватажка отмечала свои «подвиги», некстати подвернулся и сын боярский Василий Петриловский, который «послал в Якутск еще одну жалобу на Атласова, в которой утверждал, что этот казачий голова «бранился матерно» и зло ему «кричал», что «де жена твоя будет подо мною лежать». Петриловский также утверждал, что получил «рану ножевую» и что у него сломаны амбары: «пиво и брага и квас из бочек вынуты».

Там же оказался и Андрей Амосов, под началом которого служил когда-то Володька Атласов. И вот какая «теплая» встреча произошла у них:

«Первоначально Рождество отмечалось вполне благообразно. Но поздно вечером, когда “полчане” Атласова охмелели, они вновь попытались ворваться на склад с “вином горячим”. Произошла стычка. Атласовцы стали “ломать сени”. Тогда из дверей выскочили Андрей Амосов и Денис Федоров,

Памятник Е.П. Хабарову в В. Устьюге

которые схватили одного из “полчан” и решили его посадить “в железо”. Весть об этом дошла до остальных атласовцев, и они бросились освобождать своего товарища. За-

вязалась новая потасовка. В конце концов Амосов бежал в Киренский монастырь».

Все это не было случайным — Атласов мстил этим людям.

Казачи при постройке линейных крепостей — оборонительных сооружений возводимых в первой половине XVII-в., худ. Н.Н. Каразин

Но и эти люди тоже не прощали своих обид.

И Атласов напрасно полагал, что Москва за Камчатку простит ему все. Нет, шли другие времена и на царстве были другие люди.

Следствие по делу Атласова и его товарищей вели старослужащие казаки, у которых тоже были свои счета с Атласовым. Хотя здесь и не нужно было особенно стараться — Атласов со всеми своими подвигами был у всех на виду.

Десять человек из атласовской сотни осудили и приговорили к тюремному заключению. Одним из них был и Владимир Владимирович.

Но вот сидел ли он в тюрьме — большой вопрос.

Встречаются документы Якутской приказной избы о том, что он оформлял ясачные книги. Это могло быть и не в зимовьях и острогах, а в самом Якутске. Но, естественно, не в тюрьме.

А затем ситуация самым крутым образом изменяется: как отмечал С.П. Крашенинников, ему дали **«полную власть над служивыми и винных смотря по делу батогами и кнутом наказывать»** (здесь и далее выделено мной. — С.В.), а велено ему прежнюю свою вину, что учинил разбой, заслужить и в приискивании вновь земель и неясашных людей ока-

зать крайнюю ревность, обид и налогов никому не чинить и против иноземцов не употреблять строгости, когда можно будет обойтись ласкою, в противном случае и смертная казнь ему приписана».

То есть Москва дала Атласову шанс...

Но Москва вынесла ему и... приговор.

4

Если в первый свой поход Атласову было позволительно использовать свой принцип вогнать «в страх инородцев», так как основную группу его отряда — и служивые, и промышленные — составляли люди, которых он сам нанял и обеспечил всем необходимым для организации и проведения этого похода, и ему никто не смел перечить...

И, кроме того, им двигало в тот момент чувство служебного долга и желание прославиться.

Теперь это был совсем другой человек.

Ожесточенный. Подневольный. Ненавидящий и ненавидимый.

Все казаки, которые оказались в его отряде на пути в Камчатку, подали жалобы на жестокости обращения с ними Атласова анадырскому приказчику Осипу Миронову сыну Липину. Но тот не отреагировал, будучи столь же жестоким самодуром и считая такое поведение за правило жизни.

И вскоре они оба поплатятся за это...
Но это уже другой рассказ.

5

После смерти Владимира Владимировича Атласова на Камчатке и Чукотке служил его сын Иван Владимирович Атласов, казачий пятидесятник, в 1716 году верстаный в чин сына боярского.

Кто-то из двоих — Иван Владимирович или уже его сын Иван Иванович, произведенный в 1743 году анадырским приказчиком Дмитрием Павлуцким в казачий чин сотника, то есть обер-офицера, — стали крестными тойона Купхи, оставив ему свою фамилию.

Внук Ивана Ивановича — Семен Никитич Атласов — в 1797 году поступил в сын боярскую команду в Якутске унтер-офицеров и был направлен на Камчатку.

А далее его биография:

Поступил в якутскую боярскую команду унтер-офицером 01.04.1797 г. Вахтерским помощником в штат провиантский — 01.05.1799 г.

В 1812 г. разжалован в рядовые и зачислен в Камчатский гарнизонный батальон.

«1812 г. по суду и конфирмации Генерал-Аудитора и согласно мнения исправлявшего должность Генерал-Провиантмейстера Генерал-Адъютанта Меллера Закомельского,

будучи в штате провиантском служителем, за учиненные буйственные поступки прогнан шпицрутенами через 1000 человек 3 раза с выключкою из штата провиантского в Камчатский гарнизонный батальон рядовым».

В 1813 г. — «военнопосельщик» в с. Нижнекамчатск.

В 1816 г. зачислен матросом в Камчатскую экипажную роту.

В 1819 г. зачислен в вахтеры. В этой должности служил в 1845 г. в возрасте 69 лет.

Был дважды женат. Имел четырех дочерей и четырех сыновей.

Атласов Василий Семенович (1830), зачислен в матросы Камчатской экипажной роты в 1845 г., флотский писарь. В списках 47-го флотского экипажа за 1855 г. не числится, вероятно, к этому времени был уже в отставке, возможно, проживал в селении Николаевка и в обороне Петропавловского порта участия не принимал.

Атласов Андрей Семенович (1832) — о нем нам ничего не известно.

Атласов Иван Семенович (1836), матрос 1 статьи 47-го флотского экипажа, участник обороны Петропавловского порта 1854 г. и морского сражения в заливе Де-Кастри, выбыл в Николаевский пост на Амуре в 1855 г.

Атласов Степан Семенович (1844), кантонист, в десятилетнем возрасте был непосредственным участником обороны Петропав-

ловского порта, награжденный бронзовой медалью в память о Крымской войне 1853–1856 гг. на Георгиевской ленте. Закончил Николаевское-на-Амуре штурманское училище (учился вместе с будущим адмиралом С.О. Макаровым), кондуктор Корпуса флотских штурманов.

С 1862 г., находясь в экспедиции подполковника корпуса флотских штурманов В.М. Бабкина, плавал на клипере «Разбойник» (под командованием лейтенанта В.И. Попова) и корвете «Калевала» (под командованием капитан-лейтенанта Ф.Н. Желтухина) в заливе Петра Великого, занимаясь описью и промером со шлюпок. В 1865 г. служил штурманским кондуктором на пароходо-корвете

«Америка» (под командованием капитана 2 ранга А.А. Болтина). В 1867–1868 гг. непосредственно Атласовым произведены опись и промер банки к северу от полуострова Песчаный, зимний промер северной части Амурского залива и устья реки Раздольная. По имени Атласова названы банка и мыс в Японском море.

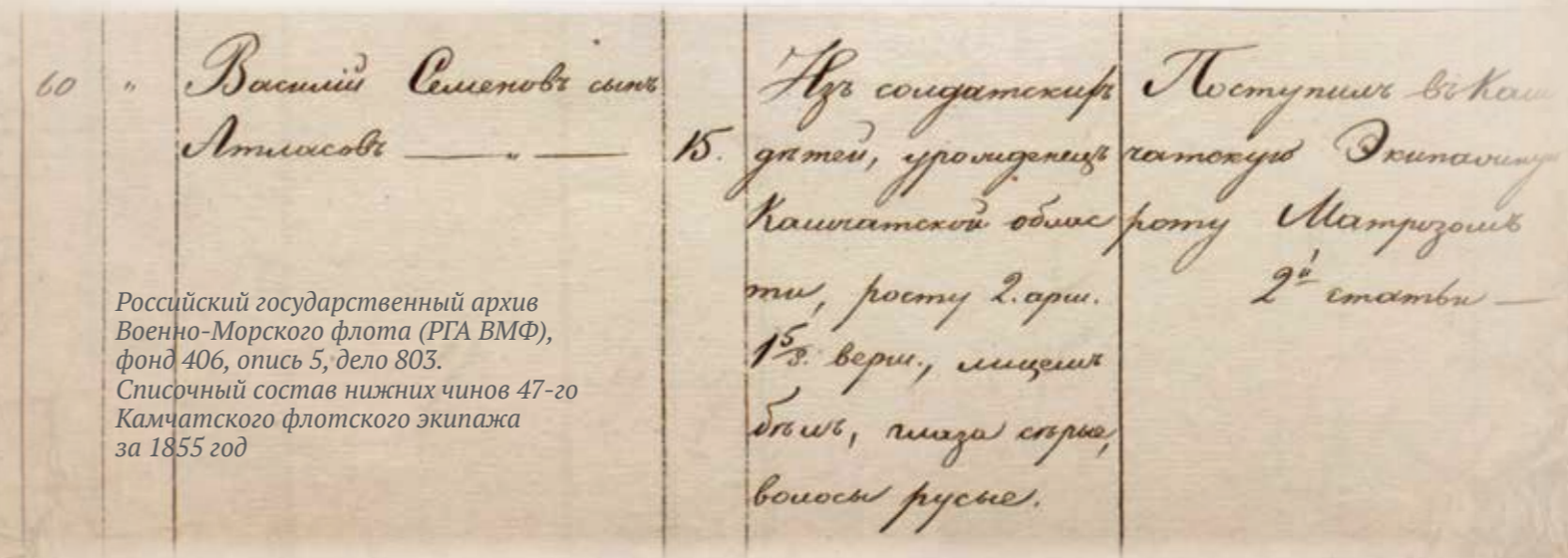
Потомки Ивана и Степана Семеновичей Атласовых, возможно, проживают в Николаевске-на-Амуре, Хабаровске или Владивостоке.

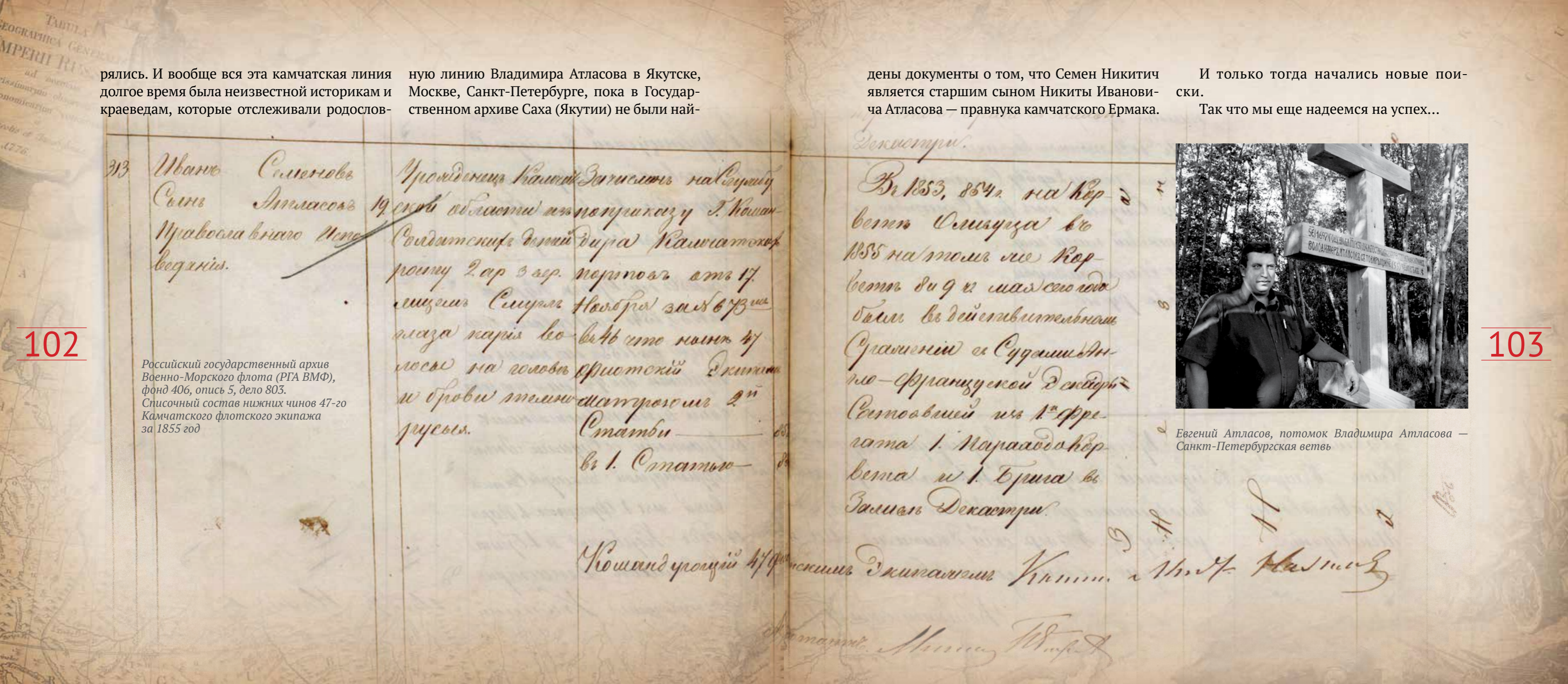
А потомки Василия Семеновича жили на Камчатке — в селах Сероглазка и Николаевка.

К сожалению, следы этих — камчатских — потомков Семена Никитича Атласова зате-

100

101

рялись. И вообще вся эта камчатская линия долгое время была неизвестной историкам и краеведам, которые отслеживали родослов-

ную линию Владимира Атласова в Якутске, Москве, Санкт-Петербурге, пока в Государственном архиве Саха (Якутии) не были най-

дены документы о том, что Семен Никитич является старшим сыном Никиты Ивановича Атласова — правнука камчатского Ермака.

И только тогда начались новые поиски. Так что мы еще надеемся на успех...

313 Иванъ Сидоровъ
Сынъ Атласовъ
Мравославнаго Монаха
Веденнаго.
Учредительнаго Камчатскаго Зависимаго на Суровую
19 стовъ области и на поручику Т. Кошан-
Совдатскаго Великаго Вира Камчатскаго
рошну 2 ар 3 вер. поршова отъ 17.
мизина Сидора Новобра за въ 17
лаза кария во въ это камчат
мосе на голову криотский Экити
и брови тели шатрогом 2
руссы.
Статби
в 1. Статмо

Документу.
В 1853, 854. на Кор-
ветъ Сидорова въ
1855 на томъ же Кор-
ветъ 809 и маю года
были въ действительномъ
Судамини и Судамини
мо-французской Декретъ
Составшии изъ 1. Фре-
гата 1. Марсава Кор-
вета и 1. Брига въ
Замель Декрету.

Кошандуловый 47... Никиты...
Миссия...

Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ), фонд 406, опись 5, дело 803. Списочный состав нижних чинов 47-го Камчатского флотского экипажа за 1855 год

Евгений Атласов, потомок Владимира Атласова — Санкт-Петербургская ветвь

Благословение. (Оборона Смоленска от польских захватчиков в 1609 - 1611 годах), худ. Ю. Мельков

ДАНИЛО АНЦЫФЕРОВ И ИВАН КОЗЫРЕВСКИЙ

История сибирского казачества весьма затейлива, если касаться отдельных судеб людей, которые были либо присланы, либо сосланы, либо сами пришли по доброй или по злой воле в Сибирь-матушку.

Сибирь — огненное горнило, которое расплавляло самый тугоплавкий металл, отправляя его на перековку.

Черкасы, литвины, поляки (ляхи), немчины (включая англичан и французов), татары всех сибирских мастей, разноплеменные новокрещенные «инородцы» сбивались вместе с русскими служилыми людьми (выходцами из крестьян, посадских и гулящих людей) в казачьи десяти, пятидесятни и сотни казачьих полков.

Но у каждого была своя отдельная судьба и свой жизненный стержень, которые определяли и стиль жизни, и поведение, и отношение...

Даже в одной и той же семье ссыльного литвина (белоруса) Федора Иоанновича Козыревского, бывшего военнопленного, служившего в высшем казачьем чине по сибирским меркам того времени, — в чине сына боярского, было все по-разному.

Он был сослан на Лену в 1654 году, попав в русский плен. В 1667 году женился и

у него в Якутске родилось трое сыновей — Петр, Семен и Дмитрий.

Будучи назначаем приказчиком, исколесил все воеводство — был на Вилюе, Алдане, Олекме, на Чечуйском волоке.

Самым прибыльным делом в пушной торговле, которой в Сибири занимались все, кто здесь жил, было винокурение.

Вино курили и на законных и незаконных основаниях.

В первую очередь те, кто имел доступ к хлебу.

А Чечуйский волок в этом отношении был самым прибыльным местом — через этот «волок» и волокли в Лену с Нижней Тунгуски «хлебное жалованье» в Якутск, так что приказчик всегда мог поживиться. Плюс к этому и вокруг волока также были крестьянские пашни.

Братья Козыревские не оставили о себе памяти в истории Якутии.

Только старший из них, который после отца, принявшего монашество, также вступил в чин сына боярского, оставил недобрую память, убив на богомолье собственную жену и бежав вместе с детьми от суда и следствия в тайгу.

Произошло это в 1695 году.

Реакция Москвы была прелюбопытной: «Буде явится, что он без причины ее убил и в том повинится, и за то его казнить самого

смертью, велеть повесить в той монастырской заимке (Киренского Троицкого монастыря, где он убил жену. — С.В.), а буде по розыску явится, что он убил жену за какое воровство и его смертью не казнить, бить нещадно, что он, не бив челом, самовольно жену свою убил...».

Явился с повинной.

Били его нещадно на торговой площади в июле 1700 года.

Но простили, не казнили.

И сослали на Камчатку вместе с сыновьями — Иваном, Михаилом и Петром, куда они отправились в сентябре 1700 года в отряде первого камчатского приказчика Тимофея Родионовича Кобелева. Реку Коль, на которой первым сборщиком ясака будет Петр Федорович Козыревский, впоследствии его сын, в то время приказчик Камчатки, назовет в честь отца Козыревкой.

Но вскоре дети осиротели — в 1704 году Петр Федорович отправился вместе с приказчиком Михаилом Зиновьевичем Многогрешным сопровождать государев ясак в Якутск и на обратном пути с новым приказчиком Федором Васильевичем Протопоповым-Верхотуровым погиб, пытаясь объясачить коряков на острове, который с той поры носит имя Верхотурова.

Отряд Кобелева в основе своей состоял из казаков-«годовальщиков», которые

должны были смениться с приходом нового состава камчатских казаков. Но, подчеркнем это, ядром отряда Кобелева были не они, — а те казаки, которые участвовали в походе Атласова и были в составе отряда Кобелева проводниками. Это — сын боярский Иван Григорьевич Мокринский, Семен Леонтьевич Ломаев, Иван Яковлевич Куклин и Василий Данилович Бронник(ов) — все, по моим предположениям, тобольские казаки на якутской службе.

А на смену «годовальщикам» Кобелева пришел отряд Михаила Многогрешного, в составе которого было 45 казаков из тех ста, которые были собраны Владимиром Атласовым в Тобольске и Енисейске. Это была, в основном, та часть казачьих детей из семей старослужащих Тобольска, которые, как показало следствие, не были замараны в грабежах, разбоях и попойках с казачьим головой, и которые о действиях Атласова и его ватажки подали свои челобитные якутскому воеводе.

Вы можете себе представить настроение этих молодых казаков, когда они узнали, что на Камчатку возвращается Атласов...

Но и вновь прибывшие с Атласовым казаки ненавидели его «всеми фибрами души» — одного из них — уроженца Томска — Данилу Яковлева сына Анцыферова

Атласов чуть было не убил по дороге — «и Данила Анцыферова резал...» (из челобитной).

Мало этого — на Камчатке Атласов пустился во все тяжкие...

Камчатские казаки, численность которых не превышала в то время сотни человек, понимали, что, находясь в союзных отношениях с камчадалами верхнего течения реки Камчатка — самого многочисленного и могу-

Река Коль, Соболевский район, vulcanikamchatki.ru

шественного рода Начики Машурина, они ни в коем случае не должны действовать агрессивно, пытаясь военной силой покорить южных — авачинских, и западных — большевецких камчадалов из племени кыкша-ай, где также на тот момент установились первые добрососедские отношения, позволившие в 1703 году построить Большевецкий острог.

Атласов все разрушил. Союзный отряд из верхнекамчатских камчадалов и русских казаков, отправившийся в поход на авачин-

ских камчадалов, был разгромлен. Большевецкий острог сожжен, а гарнизон полностью уничтожен.

Казачи оказались в блокаде на реке Камчатка — ибо и коряки отрезали казакам путь на Камчатку с севера, перекрыв полностью дорогу с Чукотки и вступая в бой с казаками и на реке Пенжине, и на реке Олюторе (Вывенке), и на реке Караге...

Ситуация была критической. Более чем...

И тогда казачий круг в Верхнекамчатском остроге постановил: Атласова сместить с должности приказчика, арестовать, поместить в казенку до прибытия нового официального приказчика, который проведет следствие над ним и суд...

Наказным атаманом — временным приказчиком камчатских острогов — был избран тобольский казак Семен Леонтьевич Ломаев, участник первого атласовского похода.

Атласову удалось бежать из тюрьмы в Нижнекамчатский острог, откуда нижнекамчатцы его обратно верхнекамчатцам не выдали, но и власти ему в своем остроге не дали.

Имущество казачьего головы Владимира Владимировича Атласова было конфисковано и полностью отписано в казну.

Обратим внимание на тот факт, что, прибыв на Камчатку в июле 1707 года и будучи отрешенным от должности приказчика в де-

Озеро Начикинское, С. Середин, photokamchatka.ru

Озеро Начикинское, С. Середин, photokamchatka.ru

кабре того же 1707 года, его конфискованное имущество исчислялось следующими показателями и цифрами: читаем у С.П. Крашенинникова в рукописях: «Атласова посадили в тюрьму, по их в казенку, а пожитки его в казну обрали, которые кроме множества мехов соболевых и лисьих, состояли в 30 соболях в 34 соболях, в 400 лисицах красных, в 14 сиводушечных, в 75 бобрах морских...».

Но это еще далеко не все, в комментариях к «Описанию земли Камчатки» (переизданному в 1949 году), есть и другие подробности: «В рукописи зачеркнуто: да сверх оной мяжкой рухляди взято у него шуба соболя пластинная под чешуйчатым лазоревым байбереком, пушена хвосты соболя, две шубы соболя пластинные под лимонною камкою, пушены морским бобром, три шапки женские пластинные соболя под красною камкою, пушены бобром, в том числе одна с золотым кружевом, одеяло пластинное соболя под атласом, пушено бобром, 3 меха пластинные соболя, полы шубные соболевых хвостов, два меха соболя черепчи, парка соболя, оплечье и кличье бобровое, куклянка соболя, парка соболя детская, две постели бобровые, шуба бобровая, опушена бобром, санаяк бобровой с оплечьем лисиц сиводушечных, санаяк выдряной с таким же оплечьем, пушен бобром, шапка женская бобровая, два меха бобро-

вые, санаяк бобровой, детской, с оплечьем соболевым, мех хребтовой сиводушечных лисиц, мех хребтовой красных лисиц, пушен бобром, мех хребтовой красных же лисиц, мех черевей сиводушечных лисиц, мех черевей красных лисиц и куклянка красных лисиц; такое богатство нажил он, быв на приказе менее полугода. — Ред.».

Но не стоит думать, что Атласов в своей алчности перещеголял других камчатских приказчиков — и мы к этому еще вернемся. Скорее всего, Атласов «вымучил» всю эту пушнину у тех самых казаков, которые, в том числе и за это, низложили своего приказчика и заточили его в тюрьму.

Дело в том, что инцидент с Атласовым, который случился в декабре 1707 года, имел позже свое, но уже кровавое, продолжение.

Через четыре года с наказом провести следствие о насильственном отрешении от должности Владимира Атласова на Камчатку прибыл новый ее приказчик... Осип Мионов сын Липин.

Тот самый анадырский приказчик, который отказался рассматривать челобитные служилых людей, обиженных Атласовым.

Липин начал следствие с Нижнекамчатского острога, «вымучивая» под видом следствия — допросов с пристрастием — схороненную по тайникам пушнину. Его несколько не волновал вопрос о том, что каза-

чий круг собирался в Верхнем Камчатском остроге и что именно там, в камчатской столице тех лет, был низложен, арестован и посажен в казенку камчатский Ермак.

Собственно, и судьба самого Атласова несколько, по-моему, не волновала Осипа Мироновича — у него были совсем другие цели по использованию наказа о проведении розыска — личное обогащение.

В промежутке между правлением Атласова и сменившего его Ломаева, на Камчатку прибыл в 1707 году еще один приказчик — сын боярский Петр Чириков, из сосланных в Якутск в 1694 году дворян Чириковых (Андрея (отца?), и братьев Петра, Федота и Филиппа). Андрей с Петром были верстаны в дети боярские, Федот с Филиппом — в казаки.

Я еще раз повторяю, что Владимир Владимирович Атласов не был исключением из общего правила для камчатских приказчиков — поживиться, используя свою власть, за счет грабежа своих же казаков. Лозунг, брошенный большевиками: «Грабь награбленное», — был актуален во все времена и у всех народов. Ни мы, ни наши предки, ни предки других народов мира не были исключением из этого общего правила.

Как не были исключением и коренные жители Камчатки, которые «столь часто между собою воевали, что году не прохо-

дило, в котором бы скольконибудь острожков разорено не было. Главное намерение браней их состояло в том, чтоб получить пленников, которых они в тяжкие работы употребляли, а особливо женского пола, которых они брали в наложницы и в супружество...

Иногда соседственные остроги и за то друг против друга вооружались, что дети между собою поссорились, а есть ли кто кого позвав в гости не столько, как надлежало, подчивал, то сие вменялось за такую обиду, которую мстить надлежало не иначе, как погублением всего острога, в котором случилось той неприятельское действие».

При этом, как отмечал все тот же С.П. Крашенинников, «...живут они беззаботно, трудятся по своей воле, думают о нужном и настоящем, будущее совсем оставляют. Богатства, славы и чести не ведают, чего ради нет между ними сребролюбия, любохоты и гордости, но токмо роскошь и похоть с своими плодами, а притом ярость, ненависть и мщение, чего ради и войны как между собою, так и с соседними народами имели они не для распространения земли, ни для приобретения власти, но по причине какой-нибудь обиды, или для похищения съестных припасов...».

Правда, ярость, ненависть и мщение выражались весьма и весьма «экзотическим»

способом: «С пленниками мужеска полу особенно знатейшими удальством своим поступали они с обыкновенным всем тамошним народам бесчеловечием. Жгли, резали, кишки из живых мотали, вешали за ноги, и всякие делали надругательства торжествуя при том о победе над неприятелями».

Так что не было в древней истории нашей планеты народов, которых бы мы сегодня не осудили бы с позиций нашей сегодняшней «благочестивой» морали.

Но вернемся к истокам известной нам камчатской истории.

В Верхнекамчатске, узнав о том, что творит там, проводя розыск, Осип Липин, казначий круг объявляет своим атаманом того самого Данилу Яковлева сына Анцыферова Томского, которого «резал» по пути на Камчатку Владимир Атласов. А есаулом (то есть вторым лицом, писарем или подьячим) избран был молодой грамотный казак Иван Петрович Козыревский.

Решение, которое вынес круг, — смертный приговор приказчику Липину.

Второе решение, которое было принято, скорее всего, уже после казни Липина, когда руки были уже обгажены кровью — убийство Атласова. По одной из версий, Иван Козыревский написал подложное письмо, за чтением которого его и убили, ударив ножом. По другой версии, он понял замысел убийц

и пытался отстоять свою жизнь... По третьей, самой подлой, его убили спящим...

И уже третье решение «воровского» схода, по исходу двух убийств, — убить и бывшего приказчика Чирикова, который не успел уйти с ясаком. Причин было две. Первая — он был свидетелем убийства Липина.

А вот вторая, на мой взгляд, была более существенной: «пожитков Петра Чирикова 15 сороков соболей, 500 лисиц красных, 20 бобров морских; Осипа Миронова 20 сороков соболей, 400 лисиц красных да 30 бобров морских».

Правда, теперь в казну были отписаны только две прелые шкуры сиводушчатых лисиц, принадлежавшие Степаниде Атласовой, а все остальное было «продуванено» — разделено на 75 участников кровавых событий (35 человек при этом добавились в «воровской» отряд в Нижнекамчатске) — и досталось «на пай на всякого человека по полутора сорока соболей, да по 20 лисиц красных, да по 2 бобра морских», не считая «общака», который был схоронен во вновь отстроенном Большерецком остроге, куда ушли открывать новые земли атаман Анцыферов с есаулом Козыревским и своими товарищами — лихими разбойниками...

В 1711 году большерецкие казаки высадились на острове Шумшу — самом северном из островов Курильского архипелага, зама-

Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем, худ. В. И. Суриков

ливая грех «смертоубийства» присоединением новых земель к Российской империи.

В 1712 году Данила Анцыферов во главе небольшого отряда отправился покорять авачинских камчадалов, а Козыревский с 30-ю казаками — курильских камчадалов Курильской земли, расположенной южнее Большерецкого острога.

И здесь впервые казаки столкнулись с военной хитростью камчадалов: «Против казаков употребляли они обыкновенную свою хитрость, которую и больше их губили, нежели оружием. Когда казаки требовали ясаку с какогонибудь непокоренного острожка, то весьма редко имели сопротивление, но почти всегда приниманы были с честью и любовью как приятели: дарены щедро, почиваны довольно, и ни в чем не имели отказа. Таким образом приведши их в оплошность побивали в ночное время, или выбравшись все вон из юрты, зажигали оную с казаками. Такою хитростью в двух местах погибло человек до семидесяти, которое число в рассуждении тамошнего малолюдства можно почесть за великое».

На реке Аваче в 1712 году сгорело заживо 25 казаков.

В 1713 году Козыревский повторил свой поход на Северные Курильские острова и описал все остальные, вплоть до Матмая (Хоккайдо).

А объединенный отряд камчадалов долины реки Камчатка и верхне- и нижнекамчатских казаков во главе с Никитой Дурыниным, потомком тобольского казачьего атамана Ивана Савельева Дурыни, в том же году покорил авачинских камчадалов, которые присягнули русскому царю.

За открытие и присоединение к России Курильских островов большерецкие казаки были прощены. Иван Петрович Козыревский даже был назначен наказным атаманом на период отсутствия официального приказчика Камчатки — когда прежние приказчики Василий Колесов и Иван Енисейский отправились с ясаком в Анадырскую крепость, но по дороге были убиты коряками.

А на смену Козыревскому прибывает из Якутска новый камчатский приказчик Алексей Артемьевич... Петриловский, младший брат того самого Василия, с которым конфликтовал Атласов.

И все повторилось — «Козыревский вывез с островов на свою долю на несколько тысяч пожитков, которые камчатский приказчик Петриловский у него вымучил и принудил его в 1716 г. постричься в монахи» (А.С. Сгибнев).

А вот и дополнение этого же автора: «Петриловский, приняв в свое ведение остроги со служилыми и собранные на 1715 г. яса-

ки, вымучил имение Козыревского, вывезенное с островов, и стал заботиться только о том, чтобы скорее обогатиться. Он ограбил не только инородцев, но и казаков, имевших что-нибудь лишнее, употребляя к тому кнуты, батоги и даже пытки. Колодки и кандалы не считал он наказанием. Такими мерами заставил он Козыревского и Якова Ярыгина постричься в монахи, передав их на руки отчужденному от света архимандриту Мартемьяну, присланному сюда с дворянином Атласовым. Наконец казаки, выведенные из терпения, вооружились против Петриловского и, с согласия казака Соколова, пришедшего на судне в Камчатку, сменили его, а обязанность прикащика или ясачного сборщика поручили якутскому посадскому Козьме Вежливцову, который конфисковал имение Петриловского, а самого его посадил под караул (вот список пожитков, отобранных у Петриловского: 141 сорок 29 соболей, 1542 лисиц красных, 161 сиводушных, 160 выдр, 207 бобров, 169 морских выдр, шуб соболевых 4, мехов соболевых 5, санаях соболий, парка (зимняя верхняя одежда из шкур без разреза. — Ред.) соболя с оплечьем бобровым, санаях из красных лисиц с оплечьем сиводушечьим, два санаяха бобровых с оплечьем сиводушечьим, санаях из выдры — оплечье бобровое, 3 шубы лисьих красных, 2 меха сиводушечьих, мех лисиц красных, одеяло лисиц красных, мех бобровый, 4 полы меха соболя загривчатого, несколько лоскутов разных мехов, несколько мехов из соболевых и лисьих лап, шуба из лисьих лап, оде-

Курилы, фото пресс-службы АО «Росгеология» sakhalinmedia.ru

яло бобровое, парок собольих 2, мех лапчатый красных лисиц; 2 меха бобровых; парка бобровая; трех из собольих хвостов; 4 шапки собольи; 2 малахая (шапка на меху, кафтан без пояса. — Ред.) собольих; 475 хвостов собольих, несколько пар меховых рукавиц; серебряный пояс; сереб. чарка и ложка и много других вещей. Из всего имущества Петриловского дано ему на подъем 200 лисиц, 27 бобров и несколько шуб. — Авт.)».

Но начали мы этот наш очерк с того, что и не в каждой сибирской семье, настоянной на «травах» многих наций и народов, не всегда было согласие. Как в семье старших Козыревских.

Так и в семье младших. За эти слова, которые мы приводим ниже и свидетелем которых был один из братьев Ивана Петровича, Козыревский в конце концов поплатился жизнью:

«Да в нынешнем же 720 году, мая в день, будучи я Максим (приказчик Лукашевский. — С.В.) в Большерецку у отправления великого государя казны через Ламское море в Якуцк, приходил ко мне Максиму на постоянной государев двор монаш Игнатий Козыревский, да в то же время был у меня Максима на постоялом государевом дворе служилой человек Петр Козыревской, и размолвился он монаш Игнатий с оным служилым человеком Петром Козыревским, и в той размолвке укорил его монаша Игнатия он Петр Козыревской: от тебя де и прежние прикащики на Камчатке убиты. И он монаш Игнатий говорил во оно время такие речи: которые де люди и царевубийцы, и те де живут приставлены у государевых дел, а не велие дело, что на Камчатке прикащиков убивать».

Но именно с ним, Козыревским, судьба распорядилась так, что он был единственным, кто, получив прощение за свои заслуги перед государством, понес наказание за убийство Атласова, и умер в зените своей славы первооткрывателя Курильских островов в тюремном застенке Санкт-Петербурга...